

ЭКОМО

A. B. A. F. E. T. T. I. N. H. O. B.

Сфера

Ноосфера

Андрей Валентинов

Сфера

«Автор»

2003

Валентинов А.

Сфера / А. Валентинов — «Автор», 2003 — (Ноосфера)

От Смерти не уйти – или все-таки это возможно? Вдруг совсем рядом, за тонкой гранью сна, находится мир, в котором никто и ничто не исчезает навсегда, где мы проживаем жизнь за жизнью? Но все имеет свою цену, и не каждый способен ее заплатить – даже если жертвуешь не чужим существованием, а чужим сном. Бессмертие многих – в обмен на вихрь, вырвавшийся из таинственной Гипносферы. Жизнь и Смерть, Сон и Явь – в оригинальном, надреалистическом романе Андрея Валентинова.

© Валентинов А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

29 октября 2002 года.	5
1. Мертвый сад	6
2. Город	9
3. Бабушка	12
4. Погоня	15
5. Дом «Salve»	18
6. Хрустальный со	21
7. Война	24
8. Цвета	28
9. Полет	29
10. Поселок	33
11. Картина	36
12. Дожди	39
13. Том Тим Тот	42
14. Река	45
15. «Гипнономикон»	48
Гипнономикон, или Власть над Гипносферой	51
16. Здание	52
17. Замок	55
18. Огни	58
19. Пляж	59
20. Бабочка	63
21. Страница	66
22. Джимми-Джон	69
23. Раут	73
24. Гостиная	76
25. Калитка	80
26. Чужой сон	83
27. Туннели	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Андрей Валентинов

Сфера

И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами.

А Он спал.

От Матфея Святое Благовествование.

Глава 8, стих 24.

29 октября 2002 года.

1.45. А. М.

Не отпускает, не заснешь... Таковую музыку нельзя слушать часто, исполнять, наверное, тоже. Запись... Полвека назад, многих уже нет, лишь голоса остались. Но отчего голоса? Может, все они в каком-то ином мире, Великой Вселенной «St. MATTHIEU BWV 244»? Я в ней лишь гость, а они все там, навсегда, навечно.

Не заснешь... Надо ли уходить туда, во Вселенную Сна? Очумелые прогрессивцы предлагали устранить сон. Треть жизни, сколько леса повалить можно! Супер-Оруэлл, Обер-Хаксли: никто не спит, все строят, строят, строят.

Когда засыпаешь, слышишь песню. Такое только со мной или... Все разные, непохожие – люди, миры, Вселенные... Тронуть сон – богоборчество: Он тоже спал. Какой это номер? Choral «Herzliebster Jesu», третий, сразу после Нагорной? Не помню, засыпаю, засыпаю... И когда вошел Он в лодку, за Ним последовали ученики Его... Плавать во сне – скверно... Разбудили Его и сказали: Господи! Спаси нас, погибаем! Восьмая глава Матфея. Маловеры, маловеры...

А если даже Матфей не понял Его? А если дела, которые Он вершил во сне, были куда важнее?

1. Мертвый сад (Chor: 9'52)¹

Собака? Здесь нет никакой собаки!

Темно... Совсем темно, даже забор – тот, что на другой стороне улицы, – не разглядишь. Кажется, штакетник, некрашенный, старый.

Грузовик стоит у самого забора, за ним – темные кроны яблонь (точно знаю – яблонь), острая крыша двухэтажного дома. Там я бывал, но сегодня мне не пройти темной аллеей, не подняться на обложенное красной плиткой крыльцо.

...В тот дом я обычно попадаю иначе – прямо на веранду. Она небольшая, меньше, чем я ее помню. Комнаты... Их должно быть три, но прошлый раз...

Нам не сюда. Нам напротив, где за нашими спинами другой забор – железный, кованая решетка. Нам... Как ее зовут? Имен я почти никогда не знаю, а вот лица порой вижу. Но не сегодня, сегодня слишком темно.

За коваными воротами – тоже сад. Там совсем мрачно, только вдали неярко горит огонек. Обыкновенная лампочка, но все-таки светлее. Там, кажется, дом... Да, там дом, мы у дверей. Заперто...

Рядом флигель, рядом – летняя кухня, там тоже горит лампочка, совсем маленькая.

Заперто. Не пускают...

Придется уходить. В мертвом саду мы не одни. Опасно! Земля под ногами начинает шевелиться, проваливаться знакомыми ямами – неглубокими, поросшими высохшей травой... Но это не кладбище, тут не должно быть могил! Просто сад, ночной сад, где нам надо переждать ночь, обыкновенный сад, к тому же лето...

Нет, не лето – осень. Поздняя осень, хотя совсем не холодно.

...Как ее зовут? «Здесь», в моем мире, почти не бывает имен. А если и бывают, их не слышно. Кажется, на ней штормовка, на мне тоже...

Палатка? Ну конечно, можно поставить палатку, за деревьями стоят две – маленькие, брезентовые. Вот и место удобное...

Стой!!!

Как же я не заметил? Яма! Могила, я точно знаю!

...Почему могила? Потому что темнеет? Могилы появляются только в темноте. Но ведь это просто сад!

Да, пока – лишь сад, мертвый сад за высокой железной решеткой. Но земля меняется, горбится неровными холмиками. Все-таки кладбище, правда, старое, заброшенное.

Можно уйти – туда, где деревья.

Зачем мы приехали? Добирались на грузовике – помню точно. Мы из города, нам нужно было напротив, где штакетник, но вокруг оказалось слишком темно. К тому же сейчас там тоже кладбище, я знаю, даже вижу отсюда...

Уходим! Если бы нам разрешили переждать ночь возле летней кухни, где сейчас собралась компания! Веселятся, играют на гитаре... Но ведь нас не пускают? Почему? Там безопасно, там не горбится земля, не проседает старыми могилами.

...Оборачиваться нельзя! Нельзя!

¹ Подзаголовки глав – согласно номерам «Страстей по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха (St. MATTHIEU BWV 244).

Отчего мы снова здесь, на старом кладбище? Ямы стали глубже, земля уходит вниз, вот-вот оттуда, из глубины, проступят черные, сгнившие доски, ноздри забивает тлен.

Как же я не заметил? И она не заметила? Двое все время шли за нами, не отставая, они и сейчас рядом, они – самое страшное, что можно встретить в мертвом саду, они – Смерть!

[.....]

Да, мы сделали правильно. Все сделали правильно, иначе бы сами погибли!

[.....]

Трупы надо спрятать. Скорее спрятать! Это нетрудно, у нас есть лопата, яму можно вырыть тут же, у старых могил, никто не заметит. Трупы холодные, очень холодные – и очень тяжелые, запах тления стал сильнее...

Почему я не видел могильный холм? Свежий, насыпали совсем недавно! И памятник – каменный, приземистый.

Скорее! В полночь нас будут искать, в полночь выгуливают собаку.

...Отчего в полночь? Откуда собака? Тут нет никакой собаки!

Надо спешить! Один труп, совсем тяжелый, закопаем неподалеку, рядом с палаткой. Второй отнесем за деревья, где тропинка, именно там нас будут искать. В полночь появится собака, за нами придут.

Собака найдет трупы! Знаю – найдет, для этого ее и приведут!

Глубже, еще глубже. Земля сырая, даже не земля – песок, мокрый грязный песок, в ноздри шибает запах тлена.

Второй труп туда, за кусты. Тяжелый, поднять нельзя, можно только волоочь.

...Ее лицо. Жаль, в темноте не увижу лица. Молодая, старая? Отчего мы ехали в грузовике? Мы не были знакомы там, в городе, встретились совсем недавно, нам обоим очень надо в дом под острой крышей.

Совсем темно! В доме, наверное, выключили свет. Скоро полночь, надо успеть, в полночь появится собака.

Рука... Почему рука не желает уходить под землю? Закаменевшая черная рука со скрюченными пальцами? Яма глубокая, копать легко, тут клумба, из серой земли дыбятся засохшие цветы...

Земли! Больше, еще больше, с верхом! Надо засыпать пальцы, они все время лезут вверх. Сейчас рука исчезнет, и все будет в порядке. В полночь нас найдут, мы вместе дождемся рассвета, тогда земля станет ровной, запах тлена сменится острым духом свежей травы. Правда, теперь осень, трава желтая, но утром всегда свежо, утром исчезают могилы...

Вот так! Отряхнуть землю со штормовки... Лопата? Где лопата, ее надо отбросить подальше, в самую темень, но вначале оттереть штык от земли.

Успели! Мы возле летней кухни. Теперь нас не прогоняют, играет гитара, лампочка горит ярче. Отчего мне казалось, что вокруг осень? Конечно же, лето! Скоро настанет утро, ясное утро, я снова окажусь в городе, на широком проспекте, где стоят пустые троллейбусы...

В дом нас не пустят. Все-таки не пустят.

...Я ошибался. Осень! Летом не бывает такой темноты.

Не оборачиваться!!!

Жалко, едва различаю слова. Так и бывает ночью – звуки скользят мимо, тьма скрывает лица. Сколько их? Кажется, пятеро, они нас нашли, предлагают развести костер. Значит, темнота отступит, мы досидим до утра, потом я попаду в город. Хорошо, если попаду утром...

Собака! Не страшно, просто кто-то решил выгулять собаку.

Мы зря пошли туда, на старом кладбище, слева у палатки? – труп! Который мы зарыли первым. Он лежит совсем не глубоко, песок присыпан листьями, но его легко разрыть, очень легко...

Зачем нам ставить палатку? Ведь совсем не холодно, лучше распалим костер, досидим до утра.

Собака!..

[.....]

Нет! Здесь нельзя ставить палатку, нельзя рыть ямы, нельзя стоять рядом! Уходить, уходите, скорее, иначе земля заскользит вниз, покажется черная рассыпавшаяся крышка...

Откуда гроб? Мы зарывали труп без всякого гроба, но я его вижу, до гнилых досок – всего несколько горстей песка!

Нет! Тут нельзя ставить палатку, это же кладбище, смотрите! Как тогда, на Мангупе, помните? Мы свернули на поляну, на круглую красивую полянку, и я хотел ставить палатку, но кто-то увидел такие неглубокие ямы...

Ничего, скоро утро!

...Аллея, деревья по сторонам, засохшие цветы. Цветы? Но ведь здесь мы закопали!..
Рука!

Почему собака роет землю? Зачем ей рыть? Надо сказать остальным, надо уходить... Уходите! Собака роет, значит, пора уходить, иначе не успеть...

Хорошо, что на нас не смотрят, смотрят на собаку, она нашла, все столпились вокруг.

Уходим! По аллее, к воротам, к узорной железной решетке. Там тоже тьма, но там нет собаки, там нас не найдут, только бы не...

Рука! РУКА!!!

[.....]

2. Город (Rezitativ: I'03)

Отсюда город смотрится лучше всего. Удачнее не придумать: весь как на ладони – огромный, залитый утренним солнцем. Диск прямо подо мною. Тоже огромный, острый, ярко-белый.

Диск я вижу редко – только в такие дни. Он точно посреди города, бетонный, вросший одним краем в земную твердь, другим же врезающийся в синее утреннее небо. Снизу его трудно заметить, к полудню Диск исчезает, заволакивается туманом. Значит, повезло. И не только потому, что забрался под самое небо. Утро – как давно его не видел! Хорошо бы спуститься вниз, на пустые улицы, пройтись не торопясь.

Но спешить не стоит. Утро быстро кончается, особенно если начинаешь спешить. Синева сменяется скучной белизной, улицы заполняются толпой, наползает вечерняя дымка. Спешить некуда, тем более утро сегодня особенно пронзительное, светлое. Такое утро – маленький подарок, мир, который «здесь» словно собрал последние силы...

Стоп! Думать о таком не стоит, иначе начнет темнеть. Лучше просто смотреть на город, он весь подо мною, до самого горизонта. Вторая закономерность – чем выше, тем лучше. Высота – всегда свет, глубина же...

Давно, очень-очень давно я не боялся кладбища, даже ночью. Меня пугала глубина. Много раз я оказывался на краю огромной ямины, целого стадиона, врытого в землю. Всюду был лед, а в самом центре, вросший в закаменевшую землю, лежал Он. Страх был похож на волка, но я знал: Он не волк – и не мертвый. Он лишь затаился, поджидая меня.

Я убежал, Он мчался за мной, мы бежали между могил, между черных гранитных надгробий, аллеи уходили вниз, вниз, вниз...

[.....]

...Да, немного иначе. Город часто меняется, особенно ближе к вечеру. Никакой мистики – город, который «там», тоже разный. Когда я-неспящий иду на работу, улицы одни, когда обратно – немного другие. Так и «здесь». Дальние кварталы – те, что прямо передо мною (восток? восток, точно!), лучше всего видны утром. Там широкие проспекты, там не бывает зимы, там стоят пустые троллейбусы, на которых так и хочется прокатиться. На востоке не был давно, все не складывается.

Однажды попал туда прямо из Туннелей. Здорово! После угольной тьмы – под яркое утреннее солнце. Тогда я катался в троллейбусе в последний раз. А что было в Туннелях? Наверняка погоня. Конечно же, погоня – узкими коридорами, через пустые залы, через маленькие комнатки, освещенные неверным желтым светом. Я ушел. Я всегда уйду, почти всегда.

Центр меняется редко: гигантская колба площади, Здание, главная улица... А вот в кварталы, что прямо подо мною, попасть можно лишь днем – или ранним вечером. Днем чаще всего бродишь между серых «сталинских» пятиэтажек. Там тихо, никогда ничего не случается, а чуть позже можно спуститься вниз, к бесконечной трамвайной линии. Тут уж не плошай – попал, значит, наверняка начнется. Сколько раз приходилось уходить проходными дворами, по чердакам, даже по крышам! Но это хорошие погони, даже если совсем стемнеет. Всегда можно убежать (как и в Здании), главное же, там нет кладбища. Правда, один раз было – прямо на улице, ведущей на запад (запад, точно!), к знакомому двухэтажному дому с острой крышей, окруженному яблоневым садом. Слишком быстро стемнело, и я поздно заметил, как земля уходит вниз. Улица проваливалась, превращалась в ров, в пропасть. Тогда я не успел – и выпал прямо на асфальтовую площадку у кладбищенских ворот.

И еще – там очень часто бывает зима. Зима или поздняя осень. А вот лето – никогда.

Кажется, начинаю спускаться? Ничего не поделать, утро когда-нибудь кончается.

А вот север (точнее, северо-восток) отсюда почти не виден. Там вообще лучше всего бывать вечером, когда ходят автобусы. На севере находится мое любимое кафе. Впрочем, это не совсем кафе – гостиница, где я ночевал несколько раз. На первом этаже – огромный бар, несколько ярко освещенных залов. В тех местах почти всегда безопасно – зато каждый раз что-нибудь да приключится. Можно даже в соседний город заехать, но не всегда. К соседям чаще попадаешь по главной улице...

Вот она, главная! Она никогда не меняется, на ней почти всегда люди, даже в такое утро. Впрочем, утром туда трудно попасть, разве что с главной площади, когда кончится ночь. А чуть дальше – мой дом, немного на юг – школа...

Зря о школе вспомнил! Это почти как кладбище, там я бываю чаще всего вечером и... И ничего хорошего не случается. Да и что хорошего может быть в школе? Так что ее вспоминать не стану, лучше погляжу на север, туда главная улица и ведет. Там интересно, там всегда появляется что-нибудь новое: поселки, куда ведет избитая грунтовка, странный институт, окруженный запущенным парком. Но главное – море. Оно не очень далеко, главное – проехать первые километры, а дальше дорога начинает идти на подъем, земля горбится, покрывается темно-зеленым лесом...

Среди гор тоже бывает опасно. Но – редко. А вот у моря вообще ничего плохого случиться не может. Конечно, бывает шторм – и очень часто бывает. Случается, волны закрывают весь горизонт, катятся к незащищенному берегу, давя и сминая покорную твердь. Но – это не мой страх. Всегда можно подняться на гору, к небольшим домикам под красными крышами. Темное гремящее море остается внизу, наверх долетают лишь мелкие холодные брызги. А когда придет Большая Волна!..

Если не хочется смотреть на шторм, можно свернуть чуть в сторону, к заливу. Там всегда тихо, там лес и дорога в горы, по ним можно ходить целыми неделями. В тех местах я тоже не бывал очень давно. В последний раз пришлось искать дорогу возле речушки. Скалы у берегов там красные, и дно тоже красное. А совсем далеко, за горным хребтом, есть небольшой поселок, но туда лучше не попадать. На его улочках всегда сумрачно, в дома не пускают, а вечер наступает особенно быстро.

Восток – раннее утро. Запад – день и вечер. Север – день и море. Центр – вечер и ночь. Юг... Сегодня ничего не вспоминается о юге. Там, кажется, река...

Ну вот, я внизу, на асфальте! Утро еще не кончилось, однако небо побледнело, синева почти исчезла, даже облака появились. Где я? Главная улица за спиной, справа школа, чтоб ей провалиться, слева – мой дом.

...Не пойду! Именно сегодня понимаю – нельзя. С каждым разом все меньше хочется идти домой. Разрытый двор, перекопанная улица... Нет!

Не вспоминать, не вспоминать! Дел и так хватает. В неспящем мире приходилось, помнится, читать, будто во сне никогда не видишь работу. Как ни странно, чистая правда. Но с важным уточнением – не видишь работу нынешнюю, на которую приходится ходить «там».

...Сегодня никак не мог заснуть. Задержался в Сумеречной зоне, даже смог запомнить...

[.....]

Сюда! Эта улица мне не очень нравится, тут всегда то ли туман, то ли пыль. И еще трамваи... Не люблю трамваи! «Здесь» на них езжу очень редко, только если попадаю в западные кварталы, особенно ближе к ночи...

На работу «здесь» ходить ни к чему, я даже не очень помню, чем я-неспящий «там» занимаюсь, но дел всегда по горло. Вот, скажем, сегодня... Ну конечно, потому я и оказался на этой улице! Нужный дом совсем рядом, я его вижу. Там, правда, рухнул лестничный пролет

(подъезд огромный, темный – и очень пыльный), но подняться все-таки можно, если идти по самому краю.

[.....]

3. Бабушка (Choral: 1'10)

– Знаешь, бабушка, мне-неспящему – тому, кто «там», – кажется, что я разгадал тайну сна. Все очень просто! Физические воздействия, внешние и внутренние, оформляются сознанием в нечто знакомое и понятное. Такое можно даже заметить, иногда сознание запаздывает, и тогда... Вижу, к примеру, несколько рядов горящих шаров, просто так горящих – в черной пустоте. Бог весть, отчего! Может, какой-нибудь сосуд в мозгу запульсировал. Я не врач, да и врач такого не объяснит. Итак, вижу ряды светящихся шаров – и вдруг они превращаются в зал заседаний, такой большой, где скамейки амфитеатром. Изображение как бы натянули сверху, словно пленку. Все как наяву, там тоже существует Нечто вокруг нас. Органы чувств это Нечто воспринимают – и оформляют в привычные картинки... Точно материя по Ленину! Если коротко: сознание во сне пытается оформить и осмыслить подсознательное, то самое «Оно». А «пленка» откуда берется? Да из воспоминаний, из привычного! Вот мне наш дом в поселке часто снится – двухэтажный, с «фонариком» наверху. Штакетник, яблони... Но каждый раз иначе. Внутри, где комнаты, зал появляется, за домом – сараи, их тогда в помине не было. Я тоже подумал – вдруг они СЕЙЧАС «там» стоят? Стоят – а я их «здесь» увидел?

– Никакая это не разгадка. У Диккенса... Да, бабушка, прочитал всего Диккенса, как ты и советовала. Ты права, по-настоящему его можно понять только после тридцати. Ты его в войну, в эвакуации, читать стала, правда? «Рождественские сказки» помнишь, там, где мистер Скрудж беседует с призраком? Мол, ты не призрак, а лишь мой сон, порожденный плохим пищеварением. Мне, когда я не сплю, тоже кажется, что все просто. Лег на левый бок (я не могу спать на левом, помнишь?), положил кулак под сердце – и конец, вижу могилы с гробами и курю на собственных похоронах. Страшновато, конечно. Это была моя первая Смерть, из тех, что помню. Остальные забылись, и хвала аллаху, а тут все перед глазами – могила, гроб, я сижу рядышком и дымлю сигаретой. Положено напоследок! Бред, конечно, но как вспомню!..

– Согласен, кулак под сердце класть не стоит. И слишком тепло укрываться тоже – сразу кладбище увидишь. Но это частные случаи, мы с тобой, бабушка, оба историки, привыкли к системе, к анализу. Допустим, физическое воздействие вызывает физическую же реакцию, которая осознается мозгом и оформляется в нужных картинках... «Пленка» натягивается, совершенно верно. Мне хорошо – я вижу утренний город и катаюсь в пустом троллейбусе. Плохо, кулак под сердцем – просыпаюсь в холодном поту и спешу включить свет. Но ведь это объясняет не все!

Вот, скажем, Киев. Мне Киев стал сниться, когда я в нем еще не бывал. Да и не знал я, что именно Киев, я во сне почти никогда не слышу названий. Ты, бабушка, когда в Киеве жила, только до войны? Конечно, и в 1943-м тоже, помню... Так вот, вижу я костел, приметный такой. Типичная псевдоготика конца XIX века. Огромный – и весь в лесах. Мне он часто снился, даже интересно стало. Обошел я кругом, во сне, конечно, осмотрелся. А там целый квартал такой готики. Дома трехэтажные, окна стрельчатые. У нас похожие на Московском проспекте есть, их немцы пленные строили. Я еще удивлялся, отчего такое снится? А потом в 1987-м попал в Киев – и надо же! Улица Красноармейская, костел бывший, где теперь органный зал. И дома точь-в-точь! И что самое любопытное – все только что отремонтировано. Значит, когда костел мне снился, он и был в лесах!..

– Ну, хорошо, совпадение. Нам снятся тысячи снов, по теории вероятности и совпасть может. Но вот случай второй, не такой приятный. Кладбище – не то, которое обычно вижу, где

церковь. И не ночью. Ясный день, ворота – и спуск. Причем страшно не было, ведь светло. Вот я и удивился, где же такие кладбища бывают – налево склон, направо склон, а могилы вроде как террасами? Совершенно верно, Байковое кладбище в Киеве. Когда туда впервые попал – только руками развел.

– Нет, нет, вещие сны никогда не снились – даже с четверга на пятницу. Хотя... Вещие не вещие, но иногда «здесь» случается то, чего «там» еще не было. Если сон отражает – то чему отражаться? Может, все происходит вообще неведомо где, а «там» и «здесь» – лишь тени, как в пещере Платона? Так что сон не только от яви зависит.

...А порою смешно бывает. Зайдешь в букинистический, наберешь книг, а потом просыпаешься... Нет, не так! Еще не просыпаешься, еще на грани, которая между. Ее не всегда замечаешь, но она есть. Эта грань – нечто особое, непонятное. Сумеречная зона, как в кино. Не сон, не явь... Так вот, просыпаешься – и пытаешься сообразить, как книги туда, в неспящий мир, пронести. А когда понимаешь, что не удастся, что они «здесь» и останутся, так обидно становится!

Ну, Киев – ладно, хотя я не только Киев видел. Но если сон – только реакция организма с «пленкой» наверху, отчего я вижу не просто картинки, а вполне нормальный мир? Самый обычный мир – пусть и другой? Причем вижу его много лет, почти сколько себя помню. Вижу, и он особо не меняется, а если меняется, то не больше, чем который «там». Отражение реального мира? Тогда отчего «здесь» свои законы? Скажем, темнота и свет. Темнота – почти всегда плохо. Темнота – Смерть. А наяву я темноты совершенно не боюсь!

– Допустим, темнота снится, когда мне-неспящему плохо. И наоборот, так? Но отчего темнота наступает постепенно? Если не разбудят или не проснусь сам, ночь все равно придет – как и наяву? Как видишь, «здесь», во сне, время тоже существует. И солнце встает, и вечер наступает, просто «здесь» не всегда день начинается с утра. А разве может сотни разниться один и тот же город, одни и те же дома, люди? У меня «здесь» свои друзья, я с ними знаком много лет. Это не кулак под сердцем, не жаркое одеяло – и не лишняя рюмка. Нет, бабушка, если выпью, то ничего не вижу, лишь какие-то обрывки. Сюда я, во всяком случае, не попадаю. Пьяный – всюду пьяный. И когда больной – тоже. Я, когда сплю, боль не чувствую – вижу, она яркая, оранжевая...

– ...Тяжелый год, давно такого не было! Поганый! И когда даже во сне плохо, мне «там» совсем скверно становится. Даже не знаю, чем помочь, «здесь» многое решить можно, но этого не перенесешь в явь, как и книги из букинистички. Кстати, случается и наоборот. Когда «там» совсем плохо, «здесь» почти всегда светло. Вроде защитной реакции. Знаешь, у одного писателя... Жаль, фамилию сейчас не вспомню! У него есть роман про мир, существующий параллельно нашему. Этот мир чуть меньше, зато не такой шумный, не такой страшный. Так и сны – они вроде убежища, и хорошо, когда в убежище светло... А вот взять бы – и придумать искусственный сон! Не наркотический и не тот, что от психотропов. И не гипноз, а вот нечто... Если бы я знал!

– ...Конечно, «там» о снах книги сочинять не приходится, работа, сама знаешь, у меня совсем другая. Но ведь интересно! Очень интересно! Тот... То есть не тот – я, конечно. Я-неспящий, если совсем точно, весьма-а-а самоуверен. Даже опыты ставлю... Ставил – потом я это занятие бросил. Не рассказывал? Это, бабушка, целая история. В свое время я здорово экстрасенсорикой увлекался. Не смейся, не смейся, кое-что даже получалось, но когда я попытался пробиться «сюда»... Так что дело это я оставил, но кое-что все-таки понять смог. Я и сны иногда записываю, пытаюсь понять, КТО их выдумывает? Это и «здесь» интересно, а уж

«там»! Диалоги, к примеру. Я не всегда различаю слова, «здесь» они не очень и нужны. Но вот когда начинаю понимать... Я никогда так не напишу! Не-е-ет, не все так просто, не в кулаке под сердцем дело! А что, если мое сознание, если я, который «здесь», связан... Не знаю, даже с кем или чем – с другими людьми, с ноосферой, прости господи, что помянул? А что? Вдруг Вернадский прав? Разум образует Сферу, причем не только разум живых, не только бодрствующих? Сфера сна – и я ее часть? Отсюда и Киев, и чужие слова, и незнакомые люди... Отчего бы и нет?

[.....]

4. Погоня (Rezitativ: 0'36)

Вверх! Через забор, через сад, через старую скрипящую калитку. За нею – подъезд, тоже старый, двери нет, остались лишь ржавые петли...

Туда!

Не догоните! Меня нельзя догнать, особенно днем, когда светит солнце, особенно на улице...

...Но ведь я в подъезде, тут темно, темнеет с каждым мгновением. Значит, снова вверх, там квартира, мне откроют, выберусь из окна прямо на крышу сарая. И – по улице, к следующему двору, там тоже подъезд, но проходной, а дальше еще двор – и снова улица, но широкая, людная, по ней ходят трамваи.

Не догоните! Не догоните!

Звонить? Нет, дверь открыта – ждут, здесь меня всегда ждут.

«Там», в неспящем мире, я бы наверняка спятил от такой жизни. «Там» я человек размеренный, не любящий стрессы. Странно, ведь что может быть лучше погони, когда уходишь, убегаешь, исчезаешь из-под носа, чувствуя на затылке чужое дыхание! И не так важно, кто там, сзади...

Не война? Нет, не война, когда война, почти всегда вечер, во всяком случае, в городе.

Двухэтажки кончились, вокруг огромные серые дома, пыльный асфальт, равнодушные прохожие. Это плохо – спрятаться негде, значит, надо бежать дальше, к главной площади, к Зданию. В Здании меня поймать невозможно, в нем сотни коридоров, тысячи комнат.

Но там слишком быстро темнеет, слишком быстро. Может, меня туда и заманивают?

Влево! Мимо проклятой школы, где тоже проходной двор, затем прямо, на улицу с трамваями – не ту, что осталась за спиной, другую, пыльную. Там есть где спрятаться, хотя бы в шестиэтажном доме, где рухнул лестничный пролет. Они туда не сунутся, там чужие никогда не бывают.

Но в подъезде тоже темно? И в квартирах темно, там всегда вечер, всегда сумерки.

Школа! Чтоб тебя, ненавижу! К счастью, сегодня в ней делать нечего, даже оглядываться не стану...

«Там» я ненавижу бег, быстро задыхаюсь, ведь я курильщик. «Здесь» тоже курю, в кармане привычная пачка «Атамана», но... Но что может быть лучше погони? Тихими дворами, гулкими коридорами, долгими километрами трассы. Бегом, на автомобиле, на велосипеде, на мотоцикле... «Там» я так и не научился ездить на мотоцикле, а это очень просто!..

Жалко, ни разу не пришлось убежать по небу. Самолеты «здесь» летают очень редко, а самому подняться в воздух удастся не всегда. Теперь я, наверное, не смогу взлететь. А если и смогу – зачем? Погоня кончится, а в небе сегодня делать нечего, налетался в прошлый раз.

Ага, отстали! Они не знают город, как знаю я, особенно если день, ночью у них все козыри. Но до ночи далеко, успею.

Интересно, тот, который не спит (я! я! я!), смог бы привыкнуть к этому миру? Разница невелика, тот же день, та же ночь, только время рваное. Время и пространство. Все может начаться где угодно и когда угодно, значит, надо быть всегда готовым. Конечно, здешний день – не такой, как «там», и ночь... «Там» ночь – всего лишь темное время суток, «там» опасна не она, а то, что в ней скрывается. «Здесь» же...

Да, лестница рухнула. Очень давно рухнула, я ее почти не помню целой. Но подниматься нетрудно, пара камней все еще торчит из стены. Если аккуратно, если не спеша... Погоня отстала, кроме того, в подъезд им не войти.

Давно тут не был! Прошлый раз попал сюда зимой, мы пришли целой компанией. Новый год? Нет, «здесь» ни разу не встречал Новый год. Просто зашли в гости, нас было, кажется, трое, я – и...

Этих ребят звали... Не могу вспомнить имен, обидно! Нет, не так. Имена помню, но не могу их услышать, даже если произношу вслух.

[.....]

– ...А я искал твой дом «там»! Когда не спал. Ведь наш город очень похож. И улица похожа, по ней тоже ходят трамваи, и дома рядом – точь-в-точь, а вот твоего, Л, нет. Мне даже кажется иногда, что «там» ты есть, только живешь не на этой улице, а неподалеку...

Нет, нет, Л, я тебя не забыл! Я приходил бы к тебе каждый день, но такое, ты знаешь, от меня не всегда зависит. Тому, который не спит, легче... Хотя нет, не легче. «Там» нет тебя, а если ты и есть, нам никогда не встретиться. Смеяться будешь, но «там» мы с тобой, Л, давно бы состарились. Мы с тобой, считай, полжизни знакомы...

Они еще у подъезда? Выгляни в окно.

Ничего, уйдем! Вдвоем даже веселее, вдвоем можно уйти далеко. Хочешь в горы? Там мы с тобой были, только очень давно. Помнишь, лесная вырубка, за нею – метеостанция, дальше – река? Реку переходить не станем, не стоит. Река во сне!.. Тот, другой я, кажется, верит в эту символику. Но дело не в символах, просто за рекой почти всегда темно.

Да, лет двадцать. Пожалуй, и больше – если по «тому» счету. Когда мы познакомились, тебе, как и сейчас, было... Было и есть. А мне... «Здесь» у меня нет возраста, я даже не знаю, как выгляжу. Странно, правда? У такой красивой, как ты... Красивой, красивой, Л, не скромничай! У такой красивой – и нет зеркала. «Здесь» вообще нет зеркал. Все о зеркалах знают, но ни у кого их нет. И хорошо, что так, в зеркало, смотреться нельзя. А вода «здесь» не отражает – лица не отражает, специально проверял. И стекла не отражают. Когда спишь, нельзя глядеть в зеркало, первое правило...

Нет, «там» бы тебе не понравилось. Мне самому «там» не очень нравится. «Здесь» время более доброе, люди не уходят навсегда, не старятся, не болеют.

Они еще у подъезда? Надо было лишний круг проделать, свернуть к моему дому... Только мне туда сегодня не хочется, Л! У дома темно. И кладбище слишком близко. Оно, проклятое, с темнотой расплзается... Да ну его, еще вспоминать такое!

«Здесь» по-другому чувствуешь, совсем по-другому. Когда не спишь, все очень грубо, неестественно, такое и вспоминать не захочется. Поэтому я тебя помню, Л, помню и когда не сплю, хотя не могу даже представить, как ты выглядишь. Все очень хорошо, Л. Жаль, имени твоего не слышу. И своего тоже... Ты для меня – всегда Л. В общем, пусть тот, который не спит, завидует. Да, конечно, не он – я. Мы с ним (со мною!) почти что доктор Джекиль и мистер Хайд. Мы – целое, единое целое...

Конечно, спешить некуда. Пусть те, у подъезда, поскучают! Пока светло, не сунутся. Знаешь, а у нас с тобой куча времени. Вагон! Хеопсова пирамида!..

[.....]

– ...Держись? Держись крепче, сейчас мы им покажем! Шлем надела?!

Ходу! Газ до упора! Ходу-у-у-у! Не ожидали? Думали, если «там» я так и не научился ездить на мотоцикле...

Какие узкие улочки! Почему я раньше не замечал? Ничего, проскользну, главное – не снижать скорости. «Там» бы я уже сто раз разбился – вдребезги, в кровавые клочья. Поэтому я-неспящий не люблю мотоцикл, «там» я вообще очень осторожен.

«Здесь» – нечего бояться!

Ходу, ходу! Вот вам! Догнать думали, поймать думали? Не поймаете, сейчас день, ночь еще на севере, возле огромных девятиэтажек, на том поле, откуда начинается дорога...

Вспомнил! Вспомнил, Л! Там, на юге, – день, вечный день, главное – туда добраться!.. Держись? Ты у меня молодец! Теперь повернем, и они отстанут, они обязательно отстанут... Держи-и-и-ись!!!

Конечно, и «там» можно сесть на мотоцикл, невелика наука – научиться, но дело не только в скорости, в пьянящей, сводящей с ума скорости, в улицах и кварталах, мелькающих перед глазами. Важно не только куда и с кем мчишься, от кого – еще важнее. От кого – и от чего. «Там» незачем убегать от ночи.

Ходу!

[.....]

– Мы уйдем, мы все равно уйдем, Л! Сзади ночь, я знаю, она догоняет, она совсем близко. Но не беда! Ручку газа – до упора, дорога свободна, город позади. Давно тут не был, все почти забылось. Дальше, кажется, станция, маленькая железнодорожная станция, мы ее обогнем, там нас наверняка ждут.

Держись? Не устала? Ходу!

Мотоцикл придется оставить. Жаль...

[.....]

– Это еще не ночь. Вечер, ранний вечер, тут не бывает ночи. Не должно быть, это юг. Не бойся, Л! Мы успеем, надо подняться на горку к метеостанции, там должен кто-нибудь быть.

[.....]

– Закрыто... Опередили! Видишь, там, слева, могилы?

Вход в Туннели! Мы должны успеть. Должны!

[.....]

5. Дом «Salve» (Chor: 0'19)

В этот дом я никак не хотел попадать.

В нем самом нет ничего плохого, напротив, часто здесь бывал, я его очень хорошо помню.

...Если заходить с улицы, то прямо – дверь в сад, комнаты – направо. Нет, не совсем так, направо – большая зала, высокие окна выходят на тихую улицу...

Почему тихую? По ней же ходит трамвай!.. Нет, не ходит, трамвай ходил раньше, когда было светло. Теперь – пусто, и улица пуста, и сад.

Итак, зала, из нее выход в комнаты. Самая дальняя имеет балкон... Нет, какой балкон, дом одноэтажный! Там выход на крыльцо, на старое потрескавшееся крыльцо, на нем хорошо пить чай – и смотреть на сад.

...Сада нет. Двор пуст, ни деревца, только у дальнего забора – уродливый сарай.

А еще над входом есть надпись, кажется, арабская, витая вязь в три строчки... Отчего – арабская? Арабская была возле источника, того самого источника, возле которого столько лет...

Где? Когда? Отчего не помню? Или это было «там»? Иногда путаешь «там» и «здесь». Арабская надпись, три строчки. Потом камень украли, грубо выломали, осталась дыра с неровными, серыми краями.

[.....]

Надпись на латыни! Большие ровные буквы: «SALVE». Когда не сплю, то, конечно, знаю, что они означают, но сейчас... Даже любопытно, отчего мы (мы? оба мы – я!) помним так по-разному? «Salve»...

«Здравствуй!» Всего-навсего «здравствуй!» Все-таки вспомнил. «Здравствуй», «привет» – а также «прощай». Латинское наречие от «salvus»...

А на каком языке мы все «здесь» разговариваем? Я всех понимаю, меня тоже...

В Дом «Salve» заехали зря. «Мы» – кто? Ехали на велосипедах, как раз с севера, по дороге, которая ведет...

Не важно! Это все не важно. Вместо того чтобы свернуть направо, к дому, мы (я?) поехали налево, по этой тихой улице. Как же я мог забыть? На севере почти всегда вечер, оттуда очень опасно возвращаться, надо ехать дальше, к морю, как можно дальше. За перевалом безопасно, там ночь не нагонит.

Я оказался здесь. За окном – вечер. Кладбище рядом.

Днем могилы почти не видны. Только если нет солнца, если осень, они иногда появляются. Но тогда можно не бояться, можно спокойно бродить по аллеям, читать надписи на надгробиях, листать рукописи...

Отчего так? Почему на могилах лежат рукописи? Не книги – листы бумаги, исписанные обычными чернилами? Ведь «здесь» тоже бывают дожди! Кажется, на некоторых надгробиях есть козырьки, но все же... Впрочем, я давно такого не видел, даже днем стараюсь держаться подальше.

Может, тут и остаться, в Доме «Salve»? Ночью тут не страшно, страх сюда не войдет, останется снаружи, на тихой улице, даже если надгробия окажутся у самых окон.

Нельзя! Так можно было поступить раньше, когда было светло. Теперь – нельзя. Кажется, именно здесь я умер в первый раз...

Идти некуда. Днем улица тянется дальше, там даже можно сесть на автобус. Ночью – глухо. Тупик. Сейчас – Время Кладбищ.

Когда светло, можно не бояться, и я иногда обхожу их все – и то, что под окнами, и дальше, и военный мемориал, где у служителей черные повязки с «мертвой головой». Обходил – прежде. А вот сейчас – нельзя, нельзя, даже днем!..

Выходит, я был прав? «Здесь» тоже есть Время? Не дискретное, рваное – а самое настоящее? С каждым годом все меньше света, все чаще – ночь. А что впереди?

Могилы у самых окон.

«Там», в неспящем мире, я часто удивляюсь, особенно после очередного кошмара. Чего я боюсь «здесь»? Это же не голливудская чернуха, среди могил не бродят вурдалаки, не подстерегают мертвецы.

Бродят! И подстерегают. Только «здесь» они – не мертвецы, разница между ними и живыми совсем другая. Но не в этом дело. Да, просто старое кладбище, возникающее под вечер и исчезающее с рассветом. Идти совсем недалеко, главное – добраться до церкви. Это совсем рядом, даже теперь она хорошо видна. Возле церкви всегда есть люди, живые, не живые – не важно. Не тронут. От церковных врат – всего две сотни шагов до ближайшей улицы. А до дома – еще три сотни с половиной.

Показалось! К счастью, сегодня тихо. «Здесь» по ночам обычно тихо, но не дай бог услышать!..

Все так, но дело не в дистанции. В конце концов, кладбище можно перелететь. Взлетать ночью трудно, но все же я летал раз в полной темноте, почти касаясь черных холодных крон. Тогда удалось уйти. Дело совсем в другом – в страхе. Это «там», у неспящих, страх внутри – в сердце, в мозгу. «Здесь» мне бояться нечего, страх приходит со стороны – как ночь. Как Смерть.

Пора уходить! В доме слишком темно, я не один, там, за дверями, ждут. Сейчас послышится скрип...

Скорее!

Может, он такой и должен быть, Ад? «Там», среди неспящих, мне очень нравится фраза: «Ад в нас самих». Вроде бы правильно, это мне САМОМУ снится! Но «здесь» понимаешь – все сложнее. «Там» от меня мало что зависит, мир слишком огромен, слишком сложен. «Там» я даже не песчинка – атом. «Здесь» мир меньше, но от меня не зависит вообще ничего. Даже не знаю, что увижу завтра, утро ли будет, вечер...

Утро, солнце, полет – Рай. Ночь, страх, могилы – Ад.

[.....]

Главное – не оглядываться. Не потому, что можно оступиться, аллеи тут ровные, а если яма... Если яма, ничто не спасет. Просто оглядываться НЕЛЬЗЯ – как и смотреть в зеркало. Но зеркало – это всегда, оглядываться же...

Сколько я прошел? Церковь еще далеко, она даже дальше, чем была!

Нет! Не бояться! Только не бояться, они чувствуют, чуют, как собаки...

Чуть правее – аллея, на которой была яма-стадион. Та самая, покрытая льдом, откуда появлялся Он. Стадион – Он... Смешно! Ведь тогда было светло, так что зря боялся. Но я еще ничего не знал, меня тогда даже волны пугали.

Совсем темно, церковь исчезла. Ничего, я иду правильно, не собьюсь, да и полная темнота – не так плохо. Я не вижу – меня не увидят.

...Справа склеп. Разрушенный, с выломанными черными плитами. Днем туда можно даже спуститься.

От таких снов станешь глушить себя психотропами! Приснится – и ходишь больной полдня. Бабушка советует пить валерьянку, ей все кажется, что ее маленькому внуку пять лет.

Так в пять лет я ничего не боялся, разве что ямы, где поджидал Он. Ну и волн, конечно. Валерьянка! Эх, бабушка!..

Вот и церковь. Ночью в ней всегда служба, из приоткрытых врат сочится свет... Нет, заходить не стану, сейчас там слишком много мертвых. Не тронут, но это их час, их ночь. Под огромным куполом слышится пение, но поют не те, кто пришел, они стоят молча, неподвижно, даже губами не шевелят. В пасхальную ночь в церковь приходят только живые, но до Пасхи еще очень далеко.

Аллея! Всего две сотни шагов...

[.....]

Я-неспящий знаю, что смертен. Я, который «здесь», знаю это еще лучше. «Там» я уверен, что после смерти мир останется – лишь меня в нем не будет. А вот я-здешний... С точки зрения «дневного» материализма «здесь» должно исчезнуть, сгинуть вместе со мной. Логично – но логично и другое. Этот мир, мир «здесь», как и тот, где не спят, существовал ВСЕГДА, лишь я появился недавно. Когда меня-неспящего не станет, я-здешний... Исчезну? Останусь «здесь» навсегда? А остальные – те, что «здесь» постоянно? Вдруг и они когда-то...

[.....]

Можно не оглядываться – ворота позади. Повезло, в эту ночь я ушел от страха. И никакой храбрости нет, страх – как ветер, как дыхание чумы, от него ничто не спасет. Но сегодня...

Горят фонари. Значит, на моей улице они тоже горят, так всегда бывает.

Спокойная ночь!

Можно не торопиться, можно пройтись по улице, свернуть налево, там спокойно и тихо. Можно даже пройти к площади, к самому Зданию...

Не хочу идти домой.

6. Хрустальный со (Rezitativ: 0'39)

Зеленый глаз электронных часов честно высвечивает 2:43, фонарь за окном давно погас, тьма в коридоре загустела, налилась чернотой.

Ночь как ночь. Комната как комната. Я не сплю.

...А между тем глаза закрыты, и я никак не могу видеть ни зеленых огоньков слева, ни черного пятна впереди. Да и времени куда больше, чем кажется. Я ведь выключил свет в начале четвертого.

Все-таки сплю. Хрустальный сон. Давненько не бывало!..

Первый раз – в Бухаре, в забытой богом гостинице, в нелепом караван-сараяе, куда я с трудом попал, чтобы перемучиться остаток ночи. Перед этим не спал двое суток, с ног валило, и когда наконец я рухнул на жуткое подобие лежака – началось.

Сон – как явь. Снится, что не спишь. Но не блуждаешь невесть где, а лежишь тут же, смотришь в потолок и никак не можешь понять, отчего не спится.

Потом интересовался. Оказывается, ничего необычного – то ли реакция на усталость, то ли...

Название сам придумал. Тогда же – во сне.

Сколько на часах? Ну конечно, 2:43! Надо бы заснуть. По-настоящему. Встать не то чтобы рано, но все-таки...

«Сон – странное божество». Это сказал... Это сказал Александр Дюма в «Двадцать лет спустя». Нет, не так! «Сон – хрупкое божество». Как хрусталь, обволакивающий со всех сторон. Стоп! Хрусталь не может обволакивать, он твердый, это янтарь обволакивает.

А сейчас можно встать. Можно одеться, даже выйти из квартиры. Интересно, что «там»? Ведь это не мир «здесь» – обычная квартира. А за окнами – город, не который во сне, настоящий. Ничего особенного там нет – и быть не может. Могилы не подползают к подъезду, я не езжу на мотоцикле, возле площади нет никакого Диска.

И полететь не смогу. Жалко! Всю жизнь мечтал. Да и кто не мечтал, между прочим?

Встать? Нет, пока полежу. Редкий случай – сплю, но все-таки остаюсь «там», в неспящем мире. Интересная штука этот хрустальный сон! Обычным сном управлять нельзя – или почти нельзя. Этим, хрустальным, тоже, зато можно спокойно думать, без всяких гипноглоков. День на юге, ночь на севере... Смешно!

Сколько на часах? Да без разницы! Такой сон длится очень недолго, но время растянуто, размазано... Как и в обычном сне, он тоже короткий, всего несколько минут.

...Это не я-неспящий излишне самоуверен. Слишком много мнит о себе тот, другой. Конечно, это тоже я (я! я! я!), но не мистер Хайд, убегающий по ночам от доктора Джекиля, а просто усталая психика. Сон для того и нужен, чтобы снять с души лишнее, переварить, растворить без остатка. Обычная сублимация.

Субли-ма-ци-я! Субли-ма-ци-я! Четыре такта, подходит...

Кажется, у Журавлевой? Или у Парнова с Емцовым? Рассказ есть, как некий профессор Трах (ну и фамилия, чистый фрейдизм!) пытается превратить сны в цикл общеобразовательных лекций. Время, мол, пропадает зря, треть жизни, не меньше. Ох уж советская научная фантастика!

Где-то читал, что все главные открытия делаются именно на грани – между сном и явью. Некоторые себя специально доводят – до желтого дома. Штука опасная. Эту грань я и называю Сумеречной зоной. Никакая она, конечно, не зона, просто миг, короткий миг, когда засыпаешь.

Иногда я его чувствую – и это очень интересно. Хотя бы потому, что слышишь песню – и каждый раз другую. Такого никто не объяснит, точно!

А может, потому и поют колыбельные?

Все-таки пора спать. Значит, нужно проснуться, это очень легко... Нет, не стоит, засну и так.

[.....]

Я уже стою? Да, как ни странно. Стою, и, кажется...

Точно! Комната моя, и квартира моя, и часы знакомые... Но все старое, как несколько лет назад, до ремонта. Книжная стенка – ее уже нет, стол, древние стулья, их я давно выбросил.

Интересно, компьютер на месте? Никогда еще не включал во сне компьютер. У меня-спящего компьютера нет.

То есть как нет? Есть! Вот она, моя старая «четверка», давно не виделись! А что вокруг? Комната совсем другая, в ней все не так, явно не так. Ну, ничего. Не беда!

Включаем? Включаем!

... Смешно! Я-спящий уверен, будто обитаю в невероятном мире. А это просто мой город. Главная улица похожа, и та, где трамваи, и все прочие. И дом «Salve» стоит на месте, и церковь, и школа, будь она неладна, и Здание. Название, как у Стругацких, а на самом деле – мой университет...

Ну-ка, ну-ка! И что мы видим? А директории знакомые, эту только вчера создал. Несовпаденьице, компьютер старый, с тех пор много воды утекло!

Может, проснуться? Проснуться, заснуть по-настоящему. Я и так сегодня наработался, потому и сон такой выпал – хрустальный. Так что работать не будем, «Quake» гонять... «Quake» во сне – в этом есть нечто! Нет, не стоит, а вот поглядим-ка...

Хрустальный сон – единственный, в котором нечего бояться. И некого. Он почти управляем. Правда, и чудес в нем не встретишь. Ты дома – только спишь.

[.....]

... На месте, все три файла. Директория «Ipie», «Иные» то есть. Случайные письма, случайные файлы.

Эти я, кажется, сегодня видел. Видел, но не открывал, потому что... Потому что в такие штуки не верю. А если это правда, то...

Вот! Файл первый – mo3.jpg, второй и третий – mo8 и mo14 соответственно. И тоже – jpg. В общем, картинки. Но не просто. Чудо враждебной техники – картинки для релаксации. От Влада подарок. У парня дома – да и не только дома – все кувырком, ему присоветовали.

Такое, конечно, давно применяется. Вон там, сзади, на полке, несколько дисков – все для той же релаксации. Берег моря, тропический лес, утро на лужайке...

... Скотобойня – для садистов, Курская Дуга – для генералов.

Итак, просто картинки. То есть не просто. Влад сказал, что выдуманно сие чуть ли не в Австралии. Некий программист, от работы озверевший, сподобился. От работы и, вероятно, от ночных кошмаров. Патента пока нет, бродит вся эта радость по сети...

Ну, какой ты, mo3.jpg? Та-а-ак, обычная бабочка. То есть совсем даже необычная и не совсем бабочка. Скорее, пластмассовая игрушка, слегка оную напоминающая. На это изделие рекомендуется смотреть в течение одной минуты перед сном. Ну-ка, ну-ка!..

Стой! Откуда я знаю, что в файле, в том самом mo3.jpg, именно бабочка? Я его не открывал! Два дня назад мы виделись с Владом, он дал мне дискету, я кинул файлы в директорию...

Или все-таки открывал? Не может сниться то, чего не было! То есть может. И снилось. Так что на самом деле там может быть не бабочка, а, к примеру, крокодил. Надо будет завтра взглянуть, интересно все-таки.

Этот первый, mo3.jpg – успокаивающее. Против кошмаров. Нет, не так. Влад передал нечто вроде инструкции, там по-английски. В ней сказано... «Срывает неприятные ощущение»

ния». «Срывает»? Точно, даже по словарю проверил: «to pick off». Будем считать, что это не английский, а австралийский. Получается же нечто вроде анальгина, только принимать следует заранее. Так сказать, профилактика.

Или я все-таки на этот файл взглянул еще перед сном? Бабочка...

[.....]

Слева, под самым потолком! Совсем маленькая, еле заметная. Компьютер исчез, и комната исчезла. Темно! Темнота – это плохо, значит, сейчас ночь, а ночью... Откуда «здесь» бабочка? Причем светится, не очень ярко, конечно, но заметить можно. Свет не фосфорный – обычный, дневной, словно там, наверху, окошко.

Ночь! Надо выбираться отсюда. Как неудачно – попасть сразу в ночь!

Так это совсем не бабочка!

7. Война (Chor: 0'37)

Ремень поправить, автомат на плечо...

Предрассветный сумрак, острые зубцы скал, каменистая тропа, уходящая вниз по склону. Взвод ждет команды – моей команды.

Сегодня пасмурно. Это и понятно – война, на войне почти никогда не светит солнце. В городе еще хуже, когда воюешь, там почти всегда вечер или ночь. Если ночь, то, значит, дела совсем плохи. Но мы не в городе. Знакомые скалы, знакомый склон...

Вперед! Ма-а-арш!

Метеостанция сзади, чуть левее, еще дальше – негостеприимный поселок, но нам не туда, там враг. Но ведь и впереди... Значит, окружение? Значит!

Скалы позади, склон бежит вниз, сейчас справа будет озеро. Там я часто бывал, но сегодня война, нам следует торопиться. За озером – лагерь для военнопленных, теперь он пустует, но вот однажды пришлось оттуда бежать. Это оказалось совсем не трудно, места знакомые, дорога ведет к морю.

К морю? Да, к морю, но туда нам сегодня не попасть. Надо спешить, надо успеть спуститься... Вниз, вниз, вниз!

День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке,
День-ночь-день-ночь – все по той же Африке.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!²

Эту песню любил петь отец. Киплинг, кажется, но перевод очень неточный. Не перевод – перепев, даже размер немного иной. Впрочем, разве дело в переводе?

Восемь-шесть-двенадцать-пять – двадцать миль на этот раз,
Три-двенадцать-двадцать две – восемнадцать миль вчера.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Пыли тоже нет – сегодня холодно, кажется, уже осень, мы все в камуфляжных куртках, в тяжелых ботинках. Сталь автомата влажная, мокрая...

Брось-брось-брось-брось – видеть то, что впереди.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Все-все-все-все – от нее сойдут с ума,
И отпуска нет на войне!

Все в порядке, вокруг тихо, нас пока не заметили. Странно, на войне очень редко вступаешь в бой. Хотя, если подумать...

День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке,

² Перевод А. Оношкович-Яцына.

День-ночь-день-ночь – все по той же Африке...

...Ничего странного нет. На настоящей войне, той, которая «там», у неспящих, сражения – это всего несколько процентов от общего времени. Война и «там» – бесконечные переходы, марши, томительное ожидание, топтание на месте.

Я-неспящий ненавижу войну. Я-здешний... Я-здешний к ней привык. Тем более войну начинаю не я, и не мне ею командовать. К тому же сражаться приходится за тех, кто защищает город. А поскольку это МОЙ город...

Восемь-шесть-двенадцать-пять – двадцать миль на этот раз,
Три-двенадцать-двадцать две – восемнадцать миль вчера...

Вниз! Остановиться, пропустить вперед первое отделение... Только теперь начинаю понимать, что взвод – не взвод, хорошо, если два десятка осталось. Нас успели здорово потрепать. Куда же мы спешим? Если у моря враг, за спиной – тоже враг... К озеру мы тоже не идем. Значит?

Хуже всего на войне – вокзалы. Несколько раз оказывался там в самый разгар паники, причем не в городе, а у соседей. Если из города попасть туда просто – надо лишь как следует захотеть, то обратно приходится добираться поездом. А как доберешься, если билетные кассы закрыты, толпа осаждает перроны, переполненные поезда часами стоят на путях? В город я все равно попадал, но часто бывало, что слишком поздно. Приезжал прямо в ночь, площади и улицы пусты, если не считать патрулей. Чужих патрулей – мы проиграли. Значит, домой нельзя, к друзьям тоже нельзя, двери подъездов закрыты, тебя вот-вот начнут искать.

И все-таки на войне не надо бояться. Что бы ни случилось, даже когда идут по пятам, когда перекрывают ночную улицу. Это не страх – просто война.

[.....]

Взво-о-од, стой!

Мы неподалеку от озера. Ближе нельзя, слишком опасно... Да, осень, тонкий ледок на воде, высокая желтая трава, высохший камыш. Тут пусто, никого нет, но дальше, у дороги...

Бинокль – дедов «Цейс», он привез его из Берлина, из самого рейхстага, там, в подвале, был целый склад. «Здесь», если война, бинокль всегда со мной.

У дороги тоже никого, но я знаю – туда нельзя, никак нельзя. В город не попасть, значит, утро быстро сменится вечером, впереди ночь, пустые улицы, темные дома... Мы опоздаем.

А если влево, вокруг озера? Смотрим... Пустой берег, серое небо, маленькая звездочка... Звездочка? Откуда? Ночь давно прошла, небо затянуто тучами. Ну-ка, внимательнее...

Не звездочка. Бабочка? Да, бабочка. Кажется, вчера я тоже увидел в небе... Но почему бабочка? Странная какая-то, будто значок телеканала. Куда бы ты ни двинулся – она все там же, вверху и слева. И вроде бы, когда присмотришься, она становится ближе, больше, я даже начинаю различать...

Взво-о-од!

Снова подъем. Озеро позади, уходим по седловине. Нас заметили, но пока не стреляют, и мне впервые становится тревожно. Темнеет, хотя сейчас утро, однако солнце исчезло, даже не просвечивает сквозь облака. И небо потемнело.

Да, бабочка стала больше. Белая, непонятная такая, словно из пластмассы.

[.....]

Теперь ясно. Мы снова поднялись, озеро осталось внизу, и лес тоже – внизу, а впереди красное плоскогорье, мокрый сланец под ногами...

Разве сланец бывает красным? Но этот красный, точно.

И там приходилось бывать. Плоскогорье только кажется ровным. Впереди, за полосой темно-зеленого кустарника, каньон, по которому бежит речка. Летом она маленькая, но осенью, после дождей... Реку не перейти, нельзя, «здесь» вообще опасно приближаться к реке. К тому же за каньоном – еще один, потом еще.

Пе-р-р-ре-кур!

Странно, у меня в кармане – зеленый «Атаман». И «там», и «здесь» я курю красный, без ментола. Зеленый слишком дерет горло. Между прочим, закурил я «здесь» раньше, чем «там». Так что, это еще подумать надо, кто кого отражает!

Итак, впереди каньон, назад возвращаться нельзя, мы пришли справа... С севера? Да, с севера, море на юге. К морю тоже нельзя. Заперли! Одно хорошо – мы наверху. Даже ночью тут не будет полной темноты. Но оставаться здесь тоже не стоит.

Взво-о-о-д!

Лиц почти не различаю. Кажется, двое ранены, в повязках, но крови не заметно. Интересно, видят ли они мое лицо? И почему все молчат?

Бабочка... Она все там же, но стала чуть больше, чем прежде. Странно, такое впечатление, что она освещена... Солнцем? Да, солнцем, хотя все небо в тучах.

[.....]

День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке,
День-ночь-день-ночь – все по той же Африке...

А вот Африка никогда не снилась. Индия снилась. Мы тогда перешли границу – и попали в маленькую деревушку. Дома – не дома, развалюхи жалкие, вдоль улиц – арыки, как в Средней Азии. И деревья – большие, без листьев. Ранняя весна... Вот, собственно, и вся Индия, даже обидно. Мог бы и Тадж-Махал присниться!

...Идем вправо, вдоль каньона. Речка шумит совсем близко, и я стараюсь туда не смотреть. Автомат начинает оттягивать плечо.

Бабочка уже размером с луну в полнолуние. Теперь точно вижу – пластмассовая. Этакая игрушка в сером небе. Игрушка, освещенная невидимым солнцем.

[.....]

Темнеет.

Успели! Сюда мы и шли – узкое ущелье, густой кустарник, тропа ныряет вниз мимо поросших мхом скал. Там вход в Туннели – один из входов. По Туннелям можно попасть в город, а главное, там безопасно. Странное дело – угольная тьма, подземелье, много часов пути на ощупь, но все-таки бояться нечего.

Взво-о-о-д!

Вход внизу, на противоположном склоне – огромная стальная дверь. Там открыто, достаточно войти, запереться изнутри. Откроют – взорвут! – но на это уйдет время, мы будем далеко, в бесконечных лабиринтах.

Я помню дорогу? Я помню дорогу!

[.....]

Бабочка, где ты? Нет ее, только маленькое яркое пятнышко в небе. Где и положено – вверху и слева.

Нашли! Нас все-таки нашли! Они рядом, на тропе. Автомат в руках, магазины в под сумке... Почти все из взвода уже внизу, в Туннелях, значит, надо задержать, дать время, чтобы уйти.

Встретимся в бункере. Там, где всегда светло.

Перед боем... Перед боем – как перед боем. Далекие голоса впереди, еле слышное дыхание напарника рядом, потеплевший приклад под рукой. Еще секунда, еще... «Мы ждем атаки до тоски...» Высоцкий? Конечно, Высоцкий, «там» у меня есть запись еще на пленке второго типа, хоть сейчас в музей.

Сегодня не надо бояться! Сегодня – война.

Ты-ты-ты-ты – пробуй думать о другом,
Бог-мой-дай-сил – обезуметь не совсем!
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне!
Вот они! Еще секунда!..
Мы ждем атаки до тоски...

[.....]

8. Цвета (Rezitativ: 2'07)

Красное, красное, красное, красное. Переливающееся облако, чуть подсвеченное изнутри, пульсирующее, заполняющее весь горизонт, слегка темнеющее по краям, исчезающее, распадающееся рваными клочьями, красное, мерцающее, красное, красное.

[.....]

Оранжевое, оранжевое, оранжевые сполохи перед глазами, оранжевые зарницы, одна за другой, безостановочно, резко, острый дух озона, лента, текущая бесконечно, через вселенную, через жизнь, дрожащий пульс вспышек, прогоняющий тьму, оранжевое, оранжевое, оранжевое.

[.....]

Желтый огонь, совсем близко, совсем рядом, у самых глаз, желтый, желтый, желтый, сухое терпкое пламя, жар на щеках, неровные пятна под веками, размытая луна, исчезающее солнце, желтое, желтое, бесконечные волны, беззвучные волны, желтые, желтые, огонь.

[.....]

Зеленые квадраты, ровные, зеленые, острые углы, резкие грани, зеленые, зеленые, вершины гор, зубья скал, зеленые, зеленые, зеленые, изумрудное свечение из глубины, из самого сердца зеленой тверди, зеленый туман над землей, заволакивающий, горький, зеленый.

[.....]

Голубое ущелье, голубая вода в ручье, голубая, голубая, голубая, голубые камни, голубая галька, скрипящая, уходящая в песок, голубой песок, голубой, голубой, голубой плеск в ушах, голубая рябь под ветром, голубые брызги, голубые, голубые, голубое, холодно.

[.....]

Синие сталагмиты, синие, синие, синий отблеск кристаллов, синие грани совершенства, синие, блеск холодной поверхности, ровной, полированной, синей, своды в синем блеске, россыпи окаменевшей синей пыли, лед, синий лед, лед, лед, синий.

[.....]

Фиолетовая пропасть, фиолетовая бездна, фиолетовый провал, фиолетовый, фиолетовый, глубина, спокойствие, холод, холод, фиолетовый, бесконечный холод, морозный туман, фиолетовый, фиолетовый, темно, фиолетовая ночь, фиолетовая мгла, фиолетовая.

[.....]

Черное.

9. Полет (Rezitativ: 1'06)

Двор. Привычная осень. Старые черные тополя беззвучно тянут голые кроны к бесцветному небу, серый цемент стен дышит сыростью...

Как давно я не бывал тут летом! Лишь ночью, когда все тонет во тьме, не замечаешь ни холода, ни мелкого дождика, идущего уже не первый час. Ночью вообще ничего не замечаешь – кроме главного, опасного. Но до ночи еще далеко, сейчас день, я в нашем старом дворе, за моей спиной – знакомый балкон, знакомые окна.

Оборачиваться не стоит. Я знаю, что увижу. Двор меняется – быстрее, чем город. Он менялся и прежде, но все же оставался самим собой, и дом казался вечным, как гранитная скала.

...Мой дом. Мы не всегда жили здесь, несколько раз приходилось переезжать, недалеко, на соседнюю улицу, тоже на второй этаж и тоже в трехкомнатную, но чуть другую... Или только кажется? Может, я просто искал дорогу домой, не мог найти, попадал в другой дом? Там мне не нравилось, там было слишком темно, и почти всегда – вечер. А сюда я очень любил возвращаться. Особенно поначалу.

Любил – не люблю.

Я знаю, что увижу, если обернусь.

К подъезду не подойти. Траншея пересекает весь двор, от гаражей к калитке... Нет, калитка исчезла. Я хорошо ее помню – железную, тяжелую. Она не ржавела, хотя ее никогда не красили.

И козырек подъезда рухнул. И лестничная площадка – та, куда вел первый пролет.

Балкон... На нем пусто. На нем давно пусто. Зря я оказался здесь! Надо уйти, но пути отсюда нет. Следующий двор, тот, что за домом, тоже перекопан, ноги утонут в жидкой грязи, а на улице вместо знакомых зданий я увижу черные запертые сараи. И до главной улицы не дойти – она исчезнет, распадется на маленькие переулки, где не будет людей, не будет даже деревьев.

Именно тут я понимаю, что мой город болен. И болезнь идет отсюда, от умирающего дома, умирающего двора. И еще это небо!..

Бабочка, привет! Часто тебя вижу, пластмассовая! Сегодня ты совсем большая – и, кажется, тоже мокрая. Солнечные лучи отражаются от гладких крыльев...

Солнечные лучи? Откуда?

[.....]

Можно никуда не идти, просто стоять у подъезда, не глядя на знакомый балкон, даже не пытаюсь войти. Не стоит – квартира будет пуста, соседи скажут, чтобы я поднялся выше на этаж, но там тоже пусто.

Кажется, одно дерево срубили – то, что росло у гаражей. Жалко! Оно было особенное – стелилось над самой землей, по нему можно подняться, словно по трапу. С него было очень просто взлетать.

Взлететь... Дождик, тучи, нелепая бабочка прилепилась в уголке серого небосвода...

...У неба не бывает углов! Не бывает, небо – сфера, иногда голубая, иногда – серая. Впрочем, в городе небо – всего лишь светлое пятно между крыш. Пространство искорежено, разорвано, сдвинуто. Значит, бабочка не висит на месте, она...

Уйти нельзя. Надо улететь, обязательно улететь!

[.....]

Лучше всего подняться наверх, скажем, на четвертый этаж, на один из балконов. Самый простой способ – шагнуть вниз. Жутковато, конечно, в первый миг просто падаешь, камнем

несешься к земле. Иногда бывает очень страшно, кажется, что пространства не хватит. Особенно если нет солнца, особенно если дождь. Для меня этот способ – школьный. В школе, будь она неладна, я на спор взлетал с подоконника. Четвертый этаж, кабинет биологии. Становишься на подоконник – и вниз. Страшно почти не было, ведь на спор! То есть было, конечно, но страх быстро исчезал, когда появлялась опора, когда воздух сгущался, становился мягким, податливым...

Я-неспящий так и не смог взлететь. Ни разу! Мне его (себя!) очень жаль. Правда, ему (мне!) кажется, что полет – просто парение, вознесение тополиной пушинки под порывом ветра. А ведь летать труднее, чем, скажем, бежать. И сил уходит больше, особенно если темнеет. Ночью же взлететь – все равно что подняться на Эверест.

Летать приходилось и ночью, но тогда просто не было выбора.

Рискнуть? Подняться на четвертый этаж, а то и на пятый, для верности, соседи пустят... Но так не хочется вновь почувствовать пустоту внутри возле сердца! Леденящую пустоту, леденящий страх... А вдруг? Этот способ меня ни разу не подводил, но кто его знает? Если все так меняется...

Но ведь отсюда, с земли, не взлететь? Попробовать можно, но, даже если повезет, я не поднимусь высоко. Лететь придется над самой землей, не лететь – ползти. И силы быстро кончатся. Почему теперь не утро? Тогда подняться в небо так легко – раскинул руки, поглядел вверх...

Да, город гибнет отсюда, от моего дома, от моего двора. Только сейчас вспомнилось, как давно я тут не ночевал. Может, поэтому темнота все чаще застаёт врасплох? Раньше такого почти не случалось, тогда самое главное было – вовремя вернуться.

[.....]

А если все-таки взлететь – и подняться к этой пластмассовой игрушке? Она не так высоко, ее очень хорошо видно. Больше стала? Да, больше.

Давний страх – еще с тех времен, когда я боялся Его, прячущегося в ледяной яме. Если не вернешься домой вовремя, дорогу преградит Безлицый. Он появлялся на нашей улице ранним вечером и медленно, очень медленно шел к подъезду. Его легко было обогнать, он вообще не обращал ни на кого внимания – пока не входил в парадное. Но и тогда можно было еще успеть, Безлицый поднимался не спеша, тяжело и грузно перешагивал через ступени. Успеть – слегка коснуться его плечом, прижаться к свежей побелке, рвануть к двери...

А вот если не успел – плохо. Безлицый не пропустит. А сзади догоняет ночь. Именно тогда я начал бояться ночи.

Всего этого уже нет. Безлицый, старый мой страх, ау! Нет тебя, ты неведомо где вместе с Ним, прячущимся под шкурой волка, вместе с огромными волнами, сбивающими с ног, тянущими в бездонные черные глубины. Я давно перестал вас бояться, и вы пропали, стинули, исчезли.

[.....]

А такого раньше не было! Или просто не замечал? Пятый этаж! Крыша рухнула, вместо квартиры, той, что точно над нашей, неровный провал, железные листы свешиваются вниз, во все стороны торчит ржавая арматура.

Уходить! Скорее! Такого еще не было, чтобы прямо на глазах, прямо сейчас... Куда угодно, только быстрее, не оглядываясь! На улицу!..

Откуда тут яма? Ее не было!

[.....]

Бабочка выросла. Она очень близко, рядом. Или просто кажется? Протянуть руку – и... Нет, кажется.

Яма... Яма – глубина, тьма, хуже подвала. Давно уже не решаюсь спуститься в наш подвал, раньше было совсем просто, теперь же... Значит, через калитку не пройти. Назад к гаражам? Там, кажется, есть проход? Наверное, и он исчез, я зря не ушел сразу, зря стоял тут, у подъезда.

Но это еще не ночь! Не ночь, значит, меня не поймали – и не поймают. Главное, не смотреть по сторонам, смотреть надо только вверх, на кроны старых тополей, на нелепую пластмассовую бабочку.

...Повернулся – а она снова слева, теперь над самой крышей!

Взлететь! Руки вверх – и в стороны! Это нетрудно, совсем не трудно, я проделывал такое много раз. Не нужно шагать вниз с неверной высоты, надо лишь видеть высоту, смотреть вверх, в самый зенит...

Первое мгновение – самое тяжелое. Земля не пускает, держит, становится болотом, топью, тянет вниз, в глубину. Главное, ни о чем не думать, только прислушиваться к себе и верить, верить, верить...

...Прислушаться! Почувствовать! Поверить!..

Еще. Еще!..

А получилось! Вниз смотреть по-прежнему нельзя, но можно медленно опустить руки, сначала в стороны, потом – вниз. Теперь представить, что всплываешь. Вокруг вода, серая прозрачная вода... Это очень просто, с каждой секундой все проще, легче.

Уже третий этаж? Да, третий... четвертый. Медленно, конечно. А чего я хотел? С земли, да еще осенью!

Пятый этаж... Поглядеть вниз? Нет, рано, но оглянуться можно. Верхушка тополя совсем рядом, рука легко дотрагивается до старого пустого гнезда. Туда! Едва не касаясь тонких веток, над самой кроной. Медленно, медленно... Ничего, это пока медленно, надо лишь подняться выше – еще чуток, еще самую малость.

[.....]

А бабочка где? Нет, потом погляжу.

Ветки совсем близко, мокрые, кора набухла, от нее несет сыростью. Дерево старое, очень старое.

Но все-таки оно еще стоит. «Там», в неспящем мире, его спилили лет двадцать назад. И то, ползущее над самой землей, тоже. И все остальные.

[.....]

Все! Крона внизу, и двор внизу, и дом, и черная крыша. Вокруг только небо. Посветлело? Ну конечно! Я уже наверху.

Нет, еще нет. А вот сейчас... Смотреть в зенит, руки на бедра. Вперед!

Вверх!!!

Ветер в ушах, ветер в глаза, белый огонь впереди. Вверх, вверх, рассекая воздух, разрезая пространство! Сегодня получилось, сегодня я снова ушел, меня не поймали, и я могу больше не думать о гибнущем доме, о разоренном дворе.

А могу и подумать – не страшно. Могу и вниз поглядеть.

Высоко! Это замечательно, что так высоко. Я-неспящий очень боюсь высоты, бедняга. Наверное, потому, что «там» я никогда не летаю.

Ямы исчезли? И крыша целая? Ну конечно, я же взлетел, я сумел оторваться. Сейчас и солнце появится... Появилось – прямо из-за туч. Да и не тучи – так, облачка.

А скоро их тоже не будет! Останется небо. Мое небо.

[.....]

И никакой бабочки! Только маленькое пятнышко – слева, у самого зенита.

10. Поселок (Arie: 5'31)

– В магазин сходить, бабушка?

– А не жарко? Может, ближе к вечеру?

Жарко? Ну, бабушка, ну, сказала! Это разве солнце? Вот в Херсонесе, когда стоишь в яме, под ногами хлупает – а сверху огонь! Когда под закрытыми веками печет! Тогда действительно жарко. Мы копали в Цитадели, там стены вокруг, воздух не движется, давит...

– У них перерыв с часу...

– Помню, бабушка!

Цветы... Всюду цветы – маленькая аллея слева от меня обсажена флоксами, чуть дальше – тюльпаны и розовые кусты. Розы – гордость деда. Красные, белые, чайные, чуть ли не ультрамариновые. Дальше – гладиолусы, сирень...

...Сирень? Сирень расцветает весной, как раз на 9 Мая, а розы...

Дед сидит на табуретке возле открытого контейнера и мастерит. Это его любимое занятие – здесь, в нашем поселке, куда мы выбираемся на лето. На лето – и на редкие выходные. Некогда. Бабушка и дед читают лекции, она – в высшей школе профдвижения, он – в авиационном. Я хожу в школу.

В школу?! Да будь она неладна, школа эта! Не хожу туда и ходить не собираюсь!..

– Кошелек на комод.

– Помню...

Конечно, помню! Комод в дальней комнате – той, что прямо по коридору. Там ночуем мы с дедом, а бабушка спит на втором этаже, в «фонарике». До сих пор не знаю, как правильно назвать это чудо архитектуры. То ли лоджия, то ли застекленный балкон. Оттуда виден весь сад, видна дорога за забором, решетчатая ограда соседской дачи...

Взбегаю по ступенькам, пересекаю веранду. Справа картина – Айвазовский «После бури». Копия, конечно, но мне очень нравится. А в коридоре – гравюры, виды нашего города. Это бабушке художник подарил, они знакомы чуть ли не с довоенных времен.

...Картина так и осталась там, в брошенном доме под острой крышей. А гравюры у меня, вынутые из рамок, пожелтевшие...

О чем я? Они «здесь», я их вижу!

Комод – полированный, бурый, чуть ли не позапрошлого века. На нем кошелек, рядом «Вечерка», развернутая там, где программка. А телевизор? Да вот он, у окна! Не очень новый, конечно, «КВН», но два канала берет. То есть в городе берет, здесь же только один – первый, московский. Что поделаешь, это же не «Березка», всего лишь «КВН». Как говорит дедушка: «Купил, включил – не работает».

На моей кровати – книжка. Что читаю? Ну конечно! Василий Ключевский, том второй. Остальные тома в соседней комнате, на полках. Там еще много чего есть, до самой осени хватит. И на следующий год останется.

...Из восьми томов уцелели только пять. Остальные пришлось докупать, переплачивать.
[.....]

– Я пойду, бабушка?

– Купи себе шоколада. Того, что тебе нравится.

Ох, бабушка! Сколько тебе сейчас лет? Чуть за шестьдесят, наверное. Ты молодец, до сих пор работаешь, студенты тебя побаиваются, знаю. А дед (я его дразнил «дед-медвед») на пенсии, ему скоро семьдесят. Деду очень трудно ходить. Контузия, та, что он получил на Сан-доминском плацдарме, все-таки догнала...

– Я не ем шоколада, бабушка. Уже много лет не ем. И сладкого не ем.

Она удивляется, но не слишком. Бабушка привыкла к капризам любимого внука. То он не ест суп, то не желает шоколаду, то мечтает поступить именно на истфак, где конкурс – восемь человек на место, то не хочет распределяться на кафедру истории КПСС.

– На велосипеде поедешь?

Оборачиваюсь. Мой «Спорт-шоссе» на веранде, у самого входа. Но мне надо к магазину, значит, спускаться вниз. Спускаться – ничего, а вот обратно... Да и сколько той дороги?

– Пробежусь. Вечером покатаюсь – до Мерефы и обратно.

– Ты все-таки осторожней.

Осторожней? Ох, бабушка! Залитый солнцем поселок, пустая улица, зелень садов. И цветы, всюду цветы...

И я слышу все, слышу даже свое имя! Не нужно угадывать слова, ловить смысл, переспрашивать. Дед и бабушка... Как редко я их вижу вместе, вдвоем!

[.....]

– Я прочел твою диссертацию, дедушка. Не так давно прочел... Ты писал о коллективизации – у нас, в нашей области. И ни разу – ни разу! – даже не упомянул о голоде. О голоде, о депортациях. Понимаю, ты защищался еще в 1952-м, но мог хотя бы намекнуть...

– В последней главе. Разве ты не заметил? Где я рассказываю о помощи голодающим. Если есть помощь, значит, есть и голодающие.

– Помню. Но там нет такого слова – «голодающие».

– Там есть «продовольственная помощь». А зачем продовольственная помощь в деревне? Умному – достаточно. А в приложении – цифры. Стоит лишь взять карандаш, бумагу, сложить все вместе...

– У тебя часы за коллективизацию, дед. Серебряный «Буре» от ЦК КП(б)У. За что? Что ты делал?

– Я был в особой группе Центрального Комитета. Главная задача – предотвращение эмиграции из пограничных районов. Любыми средствами... Разве ты не знал?

– Узнал. Не так давно... Дедушка, ты расскажешь мне про пустыню? Как ты в Ташкент на верблюде ехал?

– Эх, солдат Яшка! Это я тебе маленькому рассказывал. Тебе очень нравилось.

– Еще бы! Пустыня, львы, тигры, жирафы еще, да? А я ее видел, пустыню эту. Причем именно под Ташкентом, правда, зимой.

– Я тоже там был зимой. В феврале 1942-го, всего пару дней. Отвез в Ташкент твою бабушку и твоего папу и уехал на Урал. Там наш корпус формировался.

– Гвардейский Уральский орден Кутузова и Богдана Хмельницкого? Дед, почему ты так мало рассказывал о войне? И не только о войне? Я тебя все время спрашивал, а ты...

– А ты бы о ТАКОМ рассказывал? Ты вырос, внук, вон – седина на висках. Неужели до сих пор не понял, почему мы – все! – молчали? Эх ты, солдат Яшка!

– Дед-медвед!

[.....]

По аллее, мимо цветущего тамариска... Или божьего дерева? Никак не запомню. Мимо нашего маленького виноградника («шасла», очень сладкая!) – к серому штaketнику забора, к скрипящей калитке, возле которой растет высокий тополь. Оглянуться? Не стоит, я и так вижу. Вижу – и знаю. Бабушка поднимется на крыльцо, скоро обед, надо готовить. Дедушка тоже встанет, но сначала снимет очки, уложит их в кожаный футляр, нашарит рукой палку. Она всегда стоит справа...

– Рекс! Рекс, ко мне!

Огромная черная овчарка – овчар! – неслышно подбежала, ткнула холодным носом, пристроилась рядом. Рекс – дедов любимец, предмет зависти всех соседей. Характер – точно

дедов. Никогда зря не лает, спокойный, молчаливый – до поры, до времени. А уж когда пора настанет!..

– Рядом! Гулять!..

[.....]

Я не видел сегодня бабочки. Да вот она – маленькая точка на небе! Совсем маленькая, совсем-совсем.

Мы часто гуляем вместе. Рекса не надо водить на поводке, это вам не болонка. Он любит гулять, особенно на пруд – который за магазином. Плавает он просто здорово...

– Рядом!

Это я зря – Рекс и так рядом. Дорожка узкая, но места вполне хватает. Из-за забора к нам тянутся ветки со спелыми вишнями, с завязями яблок. Тут очень много яблонь.

Скоро будет пустырь – огромный, целая площадь, там перекресток, нам налево...

[.....]

Не понимаю! Мы у станции? Но разве это наша станция? Отчего так темно, откуда взялись нелепые дома? Откуда здесь многоэтажки?

Темно, очень темно... Где Рекс? Где?!

Назад, скорее!

Бабочка тут, почти рядом – огромная, мокрая, холодная. Солнце отражается на мелких капельках...

Солнце? Но ведь солнце пропало!

...За старым черным штакетником – черная пустошь. Деревья исчезли, исчезли кусты сирени, цветы... Пусто – ничего! Лишь возле обвалившегося крыльца – две могилы.

– Бабушка! Дед!

Голоса не слышу. Кажется, поднимается ветер. Черный ветер...

Нет, все не так! Они похоронены в городе, над их могилой – памятник, там фотографии...

Холодно. Черно. Очень холодно.

[.....]

Не двинуться, не пошевелить рукой. Это – самое страшное, когда не можешь ничего – даже вздохнуть.

Бабочка? Ты еще здесь? Как ты близко, какая ты светлая! Рядом с тобой не так страшно.

Дотронуться?

Так это не бабочка! Диск – огромный, теплый, светящийся ровным солнечным огнем! Только прикоснуться рукой!..

[.....]

Светло! Голубое небо, зеленые кроны... Светло!..

Успеваю оглянуться. Бабушка и дед стоят рядом, плечом к плечу, улыбаются, бабушка машет рукой. Справа от нее – маленький светловолосый мальчик. Шорты, белая рубашка с короткими рукавами, панама налезла на нос...

[.....]

11. Картина (Rezitativ: 0'44)

За рекою – пустырь. Даже странно! Чуть левее – высокие трубы заводов, правее и дальше – длинная шеренга домов. А в центре ничего, пусто-пустынно. Лишь огромное поле, залитое ярким летним солнцем.

И река – тоже огромная, от одного берега до другого никак не меньше километра. Серая вода, мелкая рябь, птицы в высоком голубом небе...

Река – плохо, совсем плохо, но, к счастью, мы не в городе. Точнее, в городе, но не в нашем. Значит, река – не помеха.

Гляжу на Л. Рискнем? Давно не был там, за рекой!

На тот раз мы встретились с Л не на знакомой улице, где гремят трамваи. Совсем другой район, совсем другой дом – блочная девятиэтажка конца семидесятых, безликая, скучная. Зато лестница в порядке – и квартира светлая, просторная, на окнах нет штор. Сегодня вообще очень светло, даже тени исчезли.

Л теперь выглядит совсем иначе. Никто бы ее не узнал – кроме меня. Она почти каждый раз другая, непохожая. «Там» такое наверняка удивит, «здесь» же – привычное дело. Иная внешность, и квартира иная, и голос. И даже имя.

[.....]

– ...Держись за руку! Крепче, крепче! Главное – захотеть! У меня всегда получалось.

Все действительно просто. Из нашего города можно легко уехать, если не ночь, конечно. Проще всего на машине или на мотоцикле. Но и на велосипеде можно, и поездом, и даже в автобусе. В автобусе порой бывает очень интересно, по пути встречаются новые, незнакомые города – огромные, ни на что не похожие. В одном из них я однажды задержался, и очень надолго.

...Надо бы туда заехать вновь, но «здешнее» время – дискретно, и пространство дискретно. Автобусная станция давно пуста, сквозь асфальт пробилась трава...

Но это – транспортом. А лучше всего – просто захотеть. Очень захотеть, представить место, куда надо попасть, закрыть глаза...

Ты-неспящий (я-неспящий!), завидуешь?

У нас с Л получилось с первого раза. И вот мы на набережной, впереди мост, за ним – бескрайнее поле-пустырь. Далекый город, где я бывал всего несколько раз.

Названия не знаю. И спрашивать не стоит – не услышу.

[.....]

– Как много травы! Здесь, кажется, никто не бывает, Л! Чувствуешь запах? Да, я тоже...

Запаха «здесь» нет. Мне легче – я-неспящий сам себе подсказываю, напоминаю. Высокая, начинающая желтеть трава, синие цветы, редкие головки клевера...

За рекой сразу становится ясно, что мы не дома. У нас так не бывает, чтобы поменялось буквально все – и сразу. Наш город не рушится, он течет, плавится, медленно меняет форму.

Тут иначе, тут – все сразу. Вместо знакомого квартала в конце поля, куда мы шли, – нечто непонятное, огромное, врезающееся прямо в бездонное небо. Куда там нашему Зданию!

– ...Очень жалко, Л! Там, за домами, был готический собор. Хотел показать, у нас такого нет. И здесь, выходит, уже нет.

[.....]

– Да, тоже храм. Но, кажется, православный. Все равно, раз мы тут. Поглядим...

Да, очень жаль. Тот, исчезнувший собор я нашел совершенно случайно. В этом городе я бывал, но реку переходить не решался. Обычно жил рядом с главной улицей (с «их» главной улицей) в большой общаге, где всегда полутемно, где десятки коридоров, сотни дверей.

...В общаге я всегда забываю вещи. Вначале огорчился, потом привык.

Но однажды я вышел к реке – и увидел это поле, такое же, как сегодня – залитое солнцем, зеленое. А на главной улице шел снег, в общаге стало совсем мрачно...

Решился. И не пожалел. Теперь тем более не жалею, ведь собора, скорее всего, я никогда не увижу. Печально, такого «там», в неспящем мире, тоже не встретишь. Тонкий силуэт, словно вырезанный ножницами из полупрозрачной бумаги, невесомый острый шпиль, рвущийся к зениту, сотни скульптур и барельефов, разбросанных по поверхности стен... Храм был пуст, заброшен и по-особому гулок. Туда никто не заходил, но страха не было – внутри всегда светило солнце. Легкие лучи прорезали стекла витражей, в лучах танцевали пылинки.

[.....]

– Ну, как тебе, Л? И мне не очень...

Не очень. Совсем даже не очень. Собор с острым шпилем исчез, исчезли дома вокруг, уступив место огромному православному храму. Стены в грубой цементной обмазке, чудовищный купол в темном золоте, неприветливые серые окна.

И сразу же стало темнее. Солнце скрылось за тучами, последний луч неуверенно коснулся тяжелого креста...

Креста? Но тут нет креста! На его месте нечто странное, незнакомое.

...Церкви снятся часто. И почти всегда – такие. Пыльные. Хмурые. Мертвые.

Без крестов.

Внутри идти нельзя. Пальцы Л вцепились в мою ладонь, дрогнули.

[.....]

– Это памятники. Просто памятники!

Я и сам слегка испугался. Показалось, на миг почудилось, что не памятники – надгробия. Такое бывает даже днем – земля неслышно колеблется, меняет форму, проступают еле заметные контуры... На этот раз обошлось – просто мы не сразу заметили.

...Одинаковые, каменные, недвижимые. Застывшие лица, застывшие взгляды, еле заметные усмешки на сжатых губах. Долгий ряд – вдоль всего собора. Кто они? Отчего – на одно лицо? Ни надписей, ни дат. Стражи? Хозяева? Так и кажется, что каменные лики вот-вот дрогнут, живым огнем вспыхнут глаза...

Не стражи. Не хозяева даже. Владыки!

Я-неспящий наверняка посмеялся бы над этой каменной безвкусицей. Но «здесь» над таким не смеются. Тревожное в воздухе. Полуоткрытые двери собора, давно не мытые окна, тишина вокруг – и безмолвное воинство вдоль стены. Может, зря мы перешли реку?

– Их стало больше, Л! Вон тот, справа. Хорошо, что сейчас день! Ночью их ничем не удержишь. Смотри, кажется, двинулся...

[.....]

Сейчас день, но день испорчен. Впрочем... Совсем рядом еще одно здание, на этот раз двухэтажное. И что там написано, у входа? «Музей одной картины»? Всего одной? Интересно!

Кажется, «там», у неспящих, такой музей действительно есть. Но где? Нет, не помню.

[.....]

А вот рисовать «здесь» действительно умеют. Я-неспящий все удивляюсь, КТО сочиняет «тексты». Мне-«здешнему» иное интересно – КТО рисует? Оба «я» (и Джекиль, и Хайд) овечку на лугу изобразить не сумеем, а тут!..

«Там» я несколько раз пытался взяться за карандаш – зарисовать кое-что по памяти. И этот, исчезнувший собор, тоже. Результат не помню, но вполне представляю.

И все-таки – КТО? Чей сценарий, оформление чье? ЧЕЙ мир? Я не мог его создать, он слишком совершенен. «Тот», неспящий мир, создали Бог и Эволюция, а этот?

Пойму ли я? Узнаю?

...Все, как у людей. Билеты, даже программка. То есть не программка, конечно, – буклет. На русском? «Здесь» все говорят по-русски (во всяком случае, я всех понимаю), а вот пишут всяко.

По-русски. Эль Фано. «Процессия». Испания, конец XV века...

Эль Фано? Кто такой, отчего не знаю? Между прочим, первая «здешняя» фамилия, которую я мог повторить. Или что-то изменилось?

– Ну, Л, поглядим. Конец XV-го? Не иначе Акт Веры покажут. Хорошо, что мне никогда не снилась инквизиция! Да что с тобой?

Странно, я ее почти не вижу – Л стала прозрачной, призрачной, неслышной. Или это уже не она? Такое «здесь» тоже бывает. Люди исчезают, чтобы появиться вновь. Или не появиться никогда.

[.....]

Я ошибся. Это не Акт Веры.

...В центре – страшная клыкастая морда. Рогов нет, нет и копыт, но кто он – ясно сразу. Такие же черные, с когтями и перепончатыми крыльями, заполнили, заполнили все пространство.

Процессия? Где же процессия?

Процессии нет – люди рассыпались по узкой улочке, зажатой между высоких безликих домов с бойницами-окнами. Хорошо одетые, с пухлыми щеками, с солидными животиками. Только что они чинно шли по улице...

Гроб? Почему гроб? И катафалк, и саван? Гроб опрокинут, саван брошен на булыжники мостовой, лошадей, впряженных в погребальные дроги, уже схватили под уздцы эти, чернокрылые. Их много, они всюду – ловят убегающих, волокут за ноги кого-то синелицега – не иначе главного героя церемонии. Чернокрылые хохочут, скалятся, они довольны, веселы, счастливы.

В чем же дело? Что там, в буклете?

...Можно не смотреть. Вспомнил.

Легенда – испанская или нет, не знаю. Если грешник продал душу Врагу, Тот явится за ним, за его хладным телом. Души, проданной души, Ему мало. Не спасет ничто – ни отпевание, ни святость храма.

Процессия шла по улице. Почтенные горожане провожали в последний путь такого же почтенного земляка. Кто он был? Меняла, купец, городской старшина?

Чернокрылые ждали. Дождались!

А молодец Эль Фано! Но ведь такого художника нет? Кто же такое создал?

...А это? Как же не заметил сразу? Над острыми черепичными крышами, над буйством злой силы, над ужасом грешников – радуга. Странная радуга!

Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан – Красный, Оранжевый, Желтый, Зеленый, Голубой, Синий, Фиолетовый. Семь. Семь цветов. Сколько цветов в настоящей радуге – той, которая «там», не помню, но «здесь»... «Здесь» их не семь, их... восемь! Под нижним – фиолетовым, еще одна полоса.

Черная.

Радуга восьми цветов. Радуга с траурной каймой.

Я это уже видел.

12. Дожди (Arie: 5'25)

[.....]

Откидываю полог, подставляю, не глядя, ладонь.

Отдергиваю. Стряхиваю тяжелые капли.

Льет уже который день – когда как из ведра, когда мелкой сечкой, когда холодной дробью. Без перерыва, без просвета. Льет, льет, льет...

Полог палатки набух, провис, за пологом лужи, и на генеральской линейке – лужи, и флаг застыл половой тряпкой, которую забыли выжать.

Под стук дождя хорошо думается. И «там», у неспящих, и «здесь». Удастся вспомнить многое, что в обычной суете не приходит на ум. Не из этой жизни – «здесь» забывчивостью не страдаю. Из «той», которую помню лишь обрывками. Ничего удивительного, я-неспящий тоже плохо запоминаю сны. То ли психика бунтует, защитный барьер ставит, то ли...

[.....]

...То ли просто НЕ ХОЧУ помнить. Я научился забывать. Я очень хорошо умею ЗАБЫВАТЬ!

[.....]

В палатке я не впервые, хотя прежде обходилось без дождя. Военные сборы – многодневная скучища, когда ничего не происходит, ничего не меняется, а до возвращения домой еще так долго!..

Вот и первая проблема, первый предмет для размышлизмов – время. Точнее, Время. С большой буквы, так правильнее.

Я почти всегда знаю, что сплю. Исключения очень редки – и весьма забавны. Город тогда становится другим, появляются всякие незнакомцы и полужнакомцы, и начинается спектакль – шоу из жизни неспящих. То-то мой доктор Джекиль удивляется, когда привычный (ему привычный, ему!) мир вдруг начинает меняться на глазах, «дневной» грим исчезает...

Я тоже удивляюсь – пока не понимаю, что к чему. Иногда такое приятно, иногда не очень.

...Зато после могу представить, каково это – жить «там». Как по мне – не сахар. Бедный Джекиль, бедный я!

А то, чего еще не было? Почему я «здесь» такое вижу? Откуда? Нет, не вещи это сны – Время шутит. Опережает, отстает.

И еще – обидно. Ни разу не попадал в иную эпоху, в чужую жизнь. Хоть бы Варфоломеевская ночь приснилась, а лучше – прорыв дроздовцев к Харькову в июне 1919-го!

Или я просто не помню ТАКИЕ сны?

Итак, Время. Насколько я понимаю, сны, значит, и мои сны тоже, длятся очень недолго. Несколько секунд, пару минут, но уж не час, точно. А я в палатке, на дурацких сборах, восьмой день. Сидеть же мне тут еще больше месяца – и все это время (мое Время) более чем реально.

Как понять?

[.....]

На ужин одно и то же – гречневая каша и консервы из сайры, по банке на брата. Никто не возмущается, привыкли. От полевой кухни несет горелым салом (запах во сне?), деревянные столы плохо вытерты, даже ложку вымыть негде. Разве что под дождем.

Ребят в плохо подогнанной зеленой форме – тех, что попали сюда вместе со мной, – вижу не в первый раз, они меня тоже. Работаем вместе, учимся? Или даже вместе воевали? Преимущество сна – никто над этим не задумывается. Вот оно, наше Время – дискретное, рваное.

Каждый день может начаться не тогда, не там – и не так. В неспящей жизни все выглядит глаже, хотя (как я-тамошний помню) далеко не всегда.

Сапоги очень странно пачкаются – и очень неудобно. Грязь, что спереди, смывается сама собой, особенно если идешь по траве. Как я, например. А вот та, что сзади... И не стяхнешь, и о траву не оботрешь, так и носи на каждой ноге по лишнему килограмму. Не снимать же сапоги в дождь! Возвращаться не хочется, лучше пройду по опушке, благо, никого тут нет. А на опостылевшие палатки можно даже не смотреть.

[.....]

Военные сборы – а никаких занятий! И ни одного офицера, только сейчас понял. Как же мы до сих пор не разбежались? В самоволки, конечно, ходим, село рядом, но...

Что ни говори, «здесь» не «там»!

Да, на палатки смотреть не стану, а вот налево взгляну. Налево – и вверх. Привет, бабочка! Сегодня ты не бабочка – яркая точка среди туч.

А ну-ка протянем руку!

Это я уже понял. Прилетит! То есть не прилетит, конечно, просто станет больше. И ближе.

[.....]

Она не отсюда? А откуда тогда? Надо мною, уснувшим, горит ночник? Или это просто боль, боль тоже похожа на цветное пятно?

Сегодня я очень плохо слышу. Не дождь, не стук капель – людей. В первые дни мог повторить каждую фразу, теперь же приходится лишь догадываться. Может, так и кончается сон? Все становится глуше, тише, подергивается дымкой, расплывается туманом?

...Заканчивается сон мистера Хайда – начинается сон доктора Джекиля.

А что? Кто сказал, что «дневная» жизнь – не мой сон? Просто для того, чтобы попасть туда, к неспящим, не требуется пить снотворное. Я-здешний очень редко сплю.

Интересно, а я («здесь»!) вижу сны? Не помню, жаль. А вообще забавно – сон во сне. Так сказать, в квадрате.

У лилипутов должны быть свои лилипуты. Откуда цитата? Кто сказал?

[.....]

Где это мы? Ах да, там, за поворотом, – деревня. Непонятно, зачем мы туда ходим. «Там» в самоволки бегут за самогоном и куревом, «здесь» же пьют редко, даже я. А сигареты... Ого, пачка пустая, надо прикупить.

...Стемнело? Стемнело! Бабочка-а-а! Вижу, вижу, не лезь в ладонь!

Дотронуться до нее пока не решаюсь. Если она – не лампочка над головой и не больной зуб, тогда что? Я-«там» и я-«здесь», как ни крути, один человек, и если у человека в мозгу завелась бабочка... Между прочим, ее никто не видит – кроме меня. Уже проверял.

Что, если она не из этого мира? Вообще не из этого? Бред, бред, «здесь» пришельцев не бывает, маленькие и зелененькие приходят только вслед за белой горячкой!

А дождь-то перестал! Во всяком случае, каплет не так. И я вновь начинаю различать слова. Этот парень, маленький такой, мне по плечо, о чем он? В полку говорят... В каком полку, мы просто на сборах? Говорят, что часть «партизан» после сборов призовут, потому что офицеров направляют в действующую...

...Так уже было! 1980-й, Лубны, наш полк, 86-й гвардейский. Но тогда все выглядело иначе, и лагерь был иной, и палатки, и деревня находилась не рядом, а за восемь километров.

[.....]

Ребята совсем молодые, каждому – едва за двадцать. А сколько мне теперь?

Стоп! Что я тут вообще делаю, на этих идиотских сборах? На моих погонах... Пусто! А я ведь офицер, я... Я майор! Где тут начальство, я им сейчас!..

Не поможет. «Здесь» – не «там», тут логика иная, следствие не всегда спешит вслед за причиной. Когда в очередной раз оказываюсь в своей, чтоб она пропала, школе, я напрасно уверяю всех, что давным-давно получил аттестат. Соглашаются, сочувствуют – но не отпускают. Один раз просили войти в их положение в связи с недобором учеников. В другой – позвонили своему начальству, но все равно оставили в школе – учителем. Неизвестно, что хуже!

Так что сегодня я не майор запаса, а... студент? Точно, студент инженерно-строительного...

Еще не хватало! Мне что, математику сдавать придется? Еще один вечный кошмар!

[.....]

Ночь, под сапогами чавкает, с деревьев падают капли и с неба падают, а тропинка все не кончается. Спешить, впрочем, некуда, не в палатку же? Интересно, весь месяц с хвостом, что остался, я тут и пробуду? В принципе да, сон имеет свои законы, один из них – тянуться до финиша. Если, конечно, меня «там» не разбудит телефон – или будильник.

Будильники ненавижу даже «здесь». Для меня они – рев сирены, взрыв бомбы, дикий крик под самым ухом – а то и чужие руки на горле.

Мне, который «там», еще хуже. Для меня-здешнего все заканчивается быстро, лишь миг чувствую странную смычку между мирами, когда ты еще немножко «здесь», но уже чуть-чуть «там». А потом ничего, совсем ничего – до следующего раза, до следующего обрывка моего Времени. Ему же, доктору Джекилю, приходится вставать, идти на работу в его странный непонятный мир...

Отчего Джекиль? Отчего Хайд? Это все – я!

[.....]

Ну вот, снова дождь! Хорошо, что мы почти добрались. Вот и палатки, вот красный огонек на кухне, там воду кипятят.

А вот и бабочка! Больше стала? Больше!

Чем больше – тем мне хуже. Так? Нет, не так! Она больше, когда мне СТАНОВИТСЯ хуже. Мокрая пластмасска спускается с небес прямо мне в ладонь. На помощь спешит, что ли? А если дотронуться до того, во что она превращается? Теплый солнечный диск... Попробовать? Если понимаю правильно, меня просто вышвырнет отсюда – из этого лагеря, из этого дождя. Вышвырнет, выкинет... Вот только куда?

«Не ищущай Господа своего». Библию даже «здесь» помню.

[.....]

Будем играть в карты.

13. Том Тим Тот (Rezitativ: 0'20)

[.....]

Песня? Значит, засыпаю. Интересно, получится ли?

[.....]

Не понял! Эт-то чего?

Понял...

Надо же, получилось! Интересно только, что именно. В австралийской инструкции рекомендуется сперва осмотреться, убедиться...

Осмотримся. Убедимся.

Кровать моя, а вот одежда, извините... Куда я собрался? Где носят белые костюмы? А это что, шляпа? «Поеду я в город Анапу, куплю себе черную шляпу...» В данном случае, конечно же, белую, но...

А странное ощущение! Даже не верится, что сплю. Сплю – а все как в хрустальном сне. Я – настоящий, и все вокруг настоящее. Почти настоящее. Комната как комната, без окон, без дверей, зато с компьютером. Светло, а лампы... А лампы йок. Значит, все-таки сплю.

Ну, чего дальше? В инструкции к этому mo8.jpg ничего больше нет. Просто надо осмотреться...

...И все-таки непонятное нечто. Неужели сплю? Помню и рассуждаю вроде бы нормально. И могил ползающих не боюсь. Конечно, и такое – реальное – присниться может, но уж очень редко.

«Поеду я в город Анапу, куплю себе белую шляпу...»

Итак, mo8.jpg, чудо враждебной техники. Файл с бабочкой, который mo3, мне по душе явно не пришелся. Осторожен я, когда сплю! И зря. Бабочка – просто анальгин, снимает кошмары, способствует хорошему настроению после пробуждения.

...А компьютер включился! И на экранчике чего-то синее. Ну-ка, ну-ка!..

Installation... Что инсталлировать будем? Mo8.jpg – просто успокаивающее, картинка с морским берегом. Ага, она и есть, красуется. А что под нею? Start installation? Отчего бы не start?

В последнее время почти не запоминаю сны. Оно и к лучшему, пожалуй. Так что я про бабочку могу и не знать. Вдруг каждый день ею пользуюсь, чертей во сне гоняю?

...А это, интересно, запомню? Роман во сне писать приходилось, но вот программу инсталлировать – еще нет. Хорошо хоть, что не математику сдавать!

Ой!

Давай, давай! Думай, железяка! Надумала? Что? Ясно, что русский. Сколько тут всего языков? Прямо как в «винде». Итак, язык русский, имя пользователя... Еще чего! Может, еще и личный код с номером паспорта? Ага, «произвольно»! Зачем, интересно? Чтобы птички на берегу знали, с кем здороваться?

Произвольно? А как меня зовут – произвольно? «Нимми-нимми-нот...» Точно!

Нимми-нимми-нот,
А зовут меня – Том Тим Тот!

«Джек – победитель великанов», английские народные сказки. «Девушка, девушка, угадай, как меня зовут!», «Дорогая, я видел черненького бесенка, он прятал пряжу и пел...» Тим Тот? Или Тит Тот? Да какая разница?

Нимми-нимми-нот,
А зовут меня – Том Тим Тот!

Вот так меня и зовут – пользователь Том... Тим... Тот... Будем считать, что я китайский хакер. Съела, железяка? Да куда ты денешься? Ну, думай, думай, не запрещено.

Я бы не рисковал с подобной лоботомией, но Влад давно такими картинками балуется – и жив пока, и хвост с когтями не вырос.

...А чего, интересно, мне бесенок вспомнился? Не иначе все картину забыть не могу – этого несуществующего Эль Фано. Кто же такое все-таки рисует?

Влад уверяет, что подобных картинок (не Эль Фано, а которые jpg) под сотню. Но – не патентуют, потому как фармакологическое лобби возражает. И вправду, зачем химию потреблять, если можно просто на файл взглянуть? Тем более ничего страшного, легкая релаксация, берег моря...

...Но бабочкой я-спящий не пользуюсь. Кажется, «здесь» я изрядный консерватор. Казалось бы, что проще? Протянул руку – и привет кошмарикам!

Съел, железный? Съел! И чего пишешь? Открыть? Какой ящик стола? Нет тут никакого...

Ага! Инсталлировался, видать! Ну-с? И что мы видим? А видим мы...

Спасыба, дарагой, да? Дэнгы, да? Много, да?

А и вправду! Бумажник, довольно тощий, но все-таки... Что за деньги такие? Кроны – а надписи русские. Страна... Не указана страна. Не иначе страна Виртуалия. Привет Сергею Лукьяненко!

...Деньги мне тоже снятся. Но редко.

Визитка? «Привет, друг Том Тим Тот! Если понравилось, проголосуй за эту фишку по адресу: <http://www...>» Почему на русском? Так я же язык инсталлировал!

Все? Голосовать, друг мой австралийский, пока не буду, ты мне берег сначала покажи. Между прочим, ни двери, ни окон я еще...

А неплохо! Ощую – улица, домики одноэтажные, красная черепица на крышах, слева садик-заборчик, справа заборчик-садик. Одесную... Одесную – море, как и обещано. Пристань, лодки в берег тычутся, чайки-птички парят.

Что за птичка-бабочка? Привет, mo3.jpg, привет! Я на тебя, пластмасса такая, тоже перед сном поглядел. На всякий пожарный. А вдруг на обещанном берегу крокодилы водятся? Правда, сейчас ты не бабочка – просто точка в небе. Ну и сиди там, пока не вызовут.

Итак, дано: берег моря, городишко, тощий бумажник с фальшивыми кронами – и белая шляпа. Релаксируй – не хочу. Ну, не хочу – это к бабочке, мигом унесет, а вот что там написано в инструкции, мелкими буквами в самом низу? «Время действия программы составляет...» Цифр, кажется, четыре, но пояснений никаких. То ли лет, то ли секунд, то ли байт...

Стоп! Отчего байт? Я же, слава богу, не в компьютере! Мне просто сон снится, релаксирующий сон, являющийся следствием...

Следствием – чего? Ведь все это – в моей башке! Значит, дурацкий файл, тот самый mo8.jpg, каким-то образом...

...Да не образом, матушка, не образом! Пью я аналгин, гублю нервные клетки? Пью. И гублю. А тут сказано, что отрицательные воздействия отсутствуют, потому как никакой химии. В худшем случае – нечто вроде легкого гипноза. Так что не надо!

У Влада таких картинок – десятков пять. Интересно, что на остальных? Я ведь первые попавшиеся списал, а там – целая система. Все «mo» и все «jpg», но первая десятка – успокаивающие, вторая – наоборот, пятая – вроде бы экстремальные ситуации. И даже кошмары, говорят, есть – но не у Влада. У нас с ним своих кошмаров хватает, это австралийцам скучно. В общем, почти Голливуд. Кино, вино и домино.

[.....]

Бумажник, шляпа... «Поеду я в город Анапу, куплю себе...» А вас тут, между прочим, не стояло! «А это был не мой, а это был не мой, а это был не мой чемоданчик...» А в чемоданчике что? Рубашки, бритва... Ух ты, «Золлинген», прямо как у деда, трофейный! Никогда таким не брился.

...Так я вообще никогда не брился – во сне! Достоверность, значит, по высшему разряду? Отменно, отменно.

Карта? Изучим, очень к месту.

Ну, пошли, что ли, Том Тим Тот?

...А все-таки здорово! Просто так, на песочке, в костюме, шляпа на носу. Волны маленькие, ручные, прямо к подошвам ползут, ветерок легкий, солнышко нежаркое...

Водоросли! Почти забыл их запах. На ЮБК и в Севастополе водорослей нет, бетон там всюду. И в Юрмале нет. Водоросли были в Хорлах, возле Скадовска, берег – почти как этот, только там еще остров у самого горизонта. А на острове – птицы, тьма тьмущая. Туда я не попал, обещали свозить – да не свозили. В каком я был тогда классе? В шестой перешел? Пионерский лагерь завода «Кондиционер», первый отряд... Или второй?

Запах, между прочим, настоящий, не такой, как во сне. Не вспоминается – чувствуется. По-настоящему. И ветер настоящий, и песок. Интересно, что тут еще настоящее?

...Какое настоящее? Ведь я сплю! Просто этот mo8.jpg каким-то образом стимулировал память – или воображение, уж не знаю.

Эх, не образом, матушка, не образом! Чудо враждебной техники, что попишешь? А кстати, откуда это? Кир Булычев, «Тайна третьей планеты»? Точно! Про третью планету впервые там и прочитал, в Хорлах, на таком же пляже, на таком же песке!

И все равно – море! «Вот он, легкий предутренний бриз...» Сюда бы Женю с его гитарой! Жаль, он так редко поет, клещами каждую песню тащим. «На Мадрид держит курс галион. На борту – золотой миллион. На борту, на борту. А в антильском порту...»

[.....]

Так и буду лежать. Пока не надоест. Интересно, деньги зачем? Там дальше вроде бы как магазинчик, надо бы заглянуть... А что? Освоиться тут, на берегу, до конца дней – и никаких тебе кошмаров, никакого дискретного времени. Сколько мы спим? Треть жизни? Значит, треть жизни – курорт. Теперь здесь весна, море еще холодное, но лето обязательно настанет!.. Или? «Время действия программы составляет...» Ничего! Файлов много, через пару лет они в каждом киоске продаваться будут.

...Или в каждой подворотне – вместо героина. Да какая разница? Не файл – так какой-нибудь шлем с проводами придумают, как в американских фильмах. Идея носится в воздухе, просто австралиец первым ухватил...

Чайки! Только кричат непохоже, тихо очень. Австралийские? Или так и задумано, дабы отдыхать не мешали? А вот и бабочка! Сиди смирно, не надобна пока! Как я понял, отсюда уйти легко – достаточно бабочку кликнуть. А вот из моего города (моего, ха!) просто так на этот берег не попадешь. Да и захочу ли? Мне-спящему все гробики с могилками подавай. А здесь!..

Повезло тебе, Том Тим Тот!

14. Река (Chor: 0'34)

«Пароход белый-беленький...» Как там дальше? «Черный дым...» Нет, не помню. «Здесь» вообще плохо вспоминаются песни. Свои поем.

...А их КТО сочиняет? Не Долматовский же я, в самом деле! Помню, еще во времена, когда я волн боялся, услышалось (на мотив Утесова, кажется): «Соленый гул в ночи тонул». Потом привязалось – уже «там». До сих пор вспоминается.

Итак, пароход белый-беленький... Никакой он не беленький – серый, с высокой черной трубой и огромными колесами. Миссисипи, одним словом. Колеса шлепают, из трубы идет дымок.

...Шлепают – беззвучно. И дым прозрачный, еле заметный, только воздух колыхнется. Но не это главное, пароходы всякие бывают, особенно «здесь». Река! В последнее время я все чаще оказываюсь возле реки. Возле – ладно, но вот НА реке...

Мы не в городе, не в моем городе. Мы вообще неизвестно где. Никогда тут не бывал – вода почти до горизонта, и слева, и справа. Слева еще виден берег, а вот справа – вода и вода. Но все же река – пару раз и справа мелькало нечто темное. И еще один раз приставали – ночью, я плохо помню.

...Почему – плохо? Я спал? И этого не помню.

[.....]

И бабочки нет – ни следочка. Даже неудобно.

Мы не в городе... Мы – нас не одна сотня, пароход огромный, три или четыре палубы. Да, четыре, причем верхняя, кажется, появилась только сегодня. Наверняка не скажешь, все вокруг смутное, неопределенное.

И туман. С самого утра – и до самого горизонта. Не очень густой, кое-что увидеть можно, но все же неприятно. Туман, река... Капитана, часом, не Хароном кличут?

Увидел бы бабочку – точно бы ладонь протянул! А может, и нет, но с нею спокойнее как-то.

...Не иначе «там» лампочка над головой погасла. А что? Вполне в духе материализма!

Мы... Кто – мы? Пльвем не первый день, вот только помнится плохо. Маленькая пристань, туда я прилетел самолетом, вокруг все плоское, безжизненное... Тундра? Не помню. Вот пристань помню хорошо – дощатый настил, черные сваи, уходящие в воду, маленькая лодка рядом. Подумалось, что мы чуть ли не в Сибири, где-нибудь на Енисее. А потом – река. Эта пристань была на совсем другой. Там и вода иного цвета, и небо...

Пльвем – долго, терпеливо, неспешно. Беззвучно шлепают колеса, еле заметно дрожит воздух над трубой.

А матросов не вижу. И капитана ни разу не встречал, так что спрашивать фамилию не у кого.

Туман, река... Сонника у меня нет, он для тех, неспящих, но символика хоть куда! Я, который «там», наверняка бы испугался. А мне-спящему... Нет, не страшно. За пределами города спокойнее. Даже не так. Чем дальше от изуродованного траншеями двора, от пустого балкона, от квартиры, куда я не хочу возвращаться, тем...

Нет, не думать!

«Пароход белый-беленький, черный дым над трубой...» Итак, пристань – и самолет. Я был... Очень далеко был, пришлось возвращаться самолетом...

... Серые тучи за иллюминатором, мгла, ни лучика света, молчаливые соседи в креслах, мигание маленьких лампочек над головой, стюардесса приносит пакет, но открыть его не решаюсь, в ушах – гул, машина легко подрагивает...

Значит, возвращаюсь. Остальные, кажется, тоже, мы все вместе. Все вместе – но почти не разговариваем. И никто не смотрит на реку. Почти. Просто стоят на палубе или бродят туда-сюда.

Бакен... Обычный бакен, но на нем не горит фонарь. Или на бакенах не должны гореть фонари? Но ведь туман, он стал еще гуще, даже берег – тот, что слева, – почти исчез.

[.....]

Надо с кем-то заговорить. Обязательно заговорить! Как я раньше не заметил? Их лица...

«Здесь», в городе – и не в городе, тоже есть живые и мертвые. В этом наш (мой!) мир ничуть не оригинален. Но мертвые «здесь» не всегда лежат в гробах. Когда лежат – вокруг сразу темнеет, чернота подступает, начинает душить, а ты ничего не можешь сделать. Ничего! Но чаще все иначе – «они» почти такие же, как живые. Почти – сразу и не различишь. Лишь когда подойдешь ближе, взглянешь в глаза. Или тебе взглянут... Впрочем, и по одежке узнать можно. Женщины всегда в платках, на мужчинах старые костюмы с широкими лацканами, дети... Стоп, хватит!

Правда, такое бывает только ночью. Но это в городе, а тут? Ведь мы на реке!

Неужели они все...

В глаза не смотреть, близко не подходить... И, конечно, ни с кем не заговаривать. Бабочки нет – и не надо, слишком часто ее вспоминаю. И без пластмасски выкрутимся, не впервой...

Тем более и страха нет. Верный признак, «здесь» не сам пугаешься, а только если захлестнет.

Страха нет. А что есть? Любопытство? Нетерпение? Пожалуй. Но главное не это, главное... Трудно выразить словами, очень трудно, но похоже на облегчение. Возвращаемся. Скоро вернемся. Вот-вот...

Или кажется, или нет, но все остальные чувствуют то же самое. Иногда такое бывает – можно понять без слов. Все мы вместе – на этом старом пароходе, на этой незнакомой реке, среди этого тумана.

[.....]

Никто не разговаривает... Но я тоже не разговариваю! Да, я ни с кем ни разу не говорил!

А как я выгляжу? Неужели так же, как они? Что на мне надето? Какой странный костюм! Кримпленовый, не иначе из музея. Лацканы... Обычные лацканы, зря это я. Вот только галстук странный, узкий... Нет, не странный, просто черный. Как восьмая полоска на радуге.

Так куда мы возвращаемся? В городе – в моем городе – такой реки нет!

Зашевелились!

[.....]

Правый борт! Все – у правого борта. На нашей палубе, на той, что ниже. Собрались, толпятся, куда-то смотрят. Молчат... Только куда смотреть? Все тот же туман, берега не видать, колеса шлепают по воде, вон еще один бакен вдали, и тоже без огней.

Вдали? Но бакен – это стремнина, стрежень. Значит, мы повернули? Да, и как раз направо.

Куда я все же летал? Почему ничего не помню? Только самолет, гул моторов, белесую мглу за иллюминатором. Случилось нечто важное? Ведь я был не один, все они тоже...

Солнце!

Нет, не солнце – просто свет, у самого горизонта. На солнце ничуть не похоже. На рассвете оно розовое или темно-красное, днем... Днем понятно, какое, а это просто свет. Белый, сильный, но тускловатый. Словно за матовым стеклом.

Все смотрят туда. Я тоже, трудно оторвать взгляд.

Вначале – пятнышко, затем... Да, как солнце, только больше. Над ним – полукольцо, будто гало возле луны. А выше еще одно, тоненькое, еле заметное.

Нам туда. Теперь знаю точно. И все знают.

Волнуемся? Я волнуюсь? Трудно сказать, все очень странно. И волноваться вроде не нужно.

[.....]

Уже на весь горизонт! Вокруг светло, туман уходит, уползает клочьями к стремнине. Вода стала белой, как молоко, гладкое густое молоко. А дальше, где свет...

Пристань? Нет, город! Белый город в белом свечении. Странно, он совсем рядом!

...Ровные кварталы, узкая лента стен, квадратные башни, острые шпили... Соборов? Мечетей? Пристань полна кораблей, таких же белых, как и река, как и все вокруг. Какой он огромный, белый город за белыми стенами! Наверное, там хватит места для всех и для меня тоже.

Белый город, белый-белый... А это что? Почудилось – или... Над белыми домами, над белыми улицами – зеленоватая дымка. Еле заметная, еле различимая, странная. Словно под белым покровом, под белым саваном – гниющее болото.

И свет уже не просто белый – белый с зеленью.

Нет, показалось, просто показалось! Наверное, клочья тумана – те, что не унес ветер.

Но ведь ветра нет?

[.....]

А если вернуться? Но как? Уже поздно, мы почти пришли. Там, в белых неярких лучах, нет ничего страшного, там нет ночи, нет темноты. И страха тоже нет.

А что ТАМ?

15. «Гипнономикон» (Rezitativ: 2'15)

Книжные магазины – всегда интересно. И не во сне, и во сне, причем когда спишь в особенности. «Здесь» книги каждый раз непохожие, другие. Вот, к примеру, магазин в соседнем городе – не в том, где большая река, а где метро. Сколько там всякого! Половину подзабыл, но даже о том, что помню, думать приятно. Стоял тогда у прилавка и прикидывал: купить, не купить? А если куплю, сумею ли пронести из «здесь» в «там»? Мне-спящему все кажется, что такой способ все же есть, только я его не знаю.

– Эту, будьте добры. И эту.

– Пожалуйста-а, молодой человек...

Наблюдение номер двенадцать: слышу и разбираю все, что говорят. Номер тринадцать: говорят по-русски (инсталлировано же!), но с прибалтийским акцентом. Вопрос: откуда в австралийском файле прибалтийский акцент? Ответ первый: бес его знает! Второй: файл программирует «заграницу», но такую, где говорят на языке пользователя. В данном случае – русскоязычного пользователя Том Тим Тота. Вот и получилась Прибалтика. Даже кроны подходят, их, кажется, в Эстонии ввели.

– Заходите еще, молодой челове-ек!

– Спасибо, зайду.

Чуть не сказал: «Зайду-у-у-у». Не стоит, тут все вежливые, шляпы снимают, когда здороваются. Конечно, это просто программка – точнее, сон, оной программкой спровоцированный, но к чему хамить? Так и задумано – тихий городок, тихие жители, тихое море. Релаксация!

...Релак-са-ци-я! Релак-са-ци-я! Четыре такта, подходит.

И здесь всегда солнце. До ночи я еще ни разу не дотянул, то будильник, то сам проснешься. А вот вечер видел, и закат видел. Красивый он тут, солнце за холмы прячется.

Надо бы туда сходить, за холмы. Если верить карте, там есть замок. Карта у меня прекрасная – все обозначено, даже роза ветров. А у дома, который следовало снять, стрелка нарисована. Чтобы, значит, не перепутал и не самодельничал.

Интересно, а если бы в другой дом попросился? Наверное, не пустили бы. Программа!

– Добрый де-ень!

– Здравствуйте!

Этого старика встречаю каждый раз, когда выхожу на улицу. Он уже тут, на скамеечке, газету читает. Старая форма без погон, фуражка с «крабом». Не иначе морской волк на пенсии. Понятно, городок-то приморский!

...А спиртное не продают, только пиво. Не то чтобы напиться тянет, просто любопытно, отчего. Может, потому, что тут положено отдыхать, а не буйствовать? Не иначе этот mo8.jpg для пенсионеров!

Поэтому бабочка-звездочка на месте. Вдруг я тут слишком задержусь? Или просто надоест, захочется в «мой» город, гробики посчитать – или с Л встретиться?

Да какая там Л! Это песня есть – «Моя сладкая Эл!»! Снятся мне всякие знакомые девчонки, совсем разные, я уж и лица позабыл, и имена. Много ли спящему нужно, я же там вроде зомби! Сексуальная сублимация – вот и вся сладкая Л!

[.....]

– Добрый день, господин Том Тит То-от!

– Здравствуйте!

Квартирный хозяин, высокий тощий старик, по виду – бывший учитель. Сдал квартиру (целый домик, даже с верандой!) – а сам перебрался на соседнюю улицу. Между прочим, стоило всего пять крон. Дешевизна невероятная.

...И денег ни у кого нет. Кроме меня, никто не расплачивается – ни в магазинах, ни на рынке (наблюдение номер четырнадцать). Значит, на работу, скорее всего, не устроишься, да и негде. Деньги когда-нибудь закончатся...

Деньги закончатся и... Деньги закончатся – и программа закончится! Вот оно что! «Время действия программы составляет...» Четыре цифры? Мои кроны! Все проще простого: кроны – ресурс программы, тратить можно много, а можно и мало, чтобы хватило на дольше. Сплывут деньги, и программе конец, останется лишь файл – на память.

Просто, красиво, понятно. Молодец, австралиец! Проснусь, проголосую «за», у них на форуме как раз дискуссия о «сонных» файлах. Адрес помню...

– Господин Том Тим Тот, не желаете прокатиться на лодке-е?

– Спасибо. Может, чуть позже.

...Адрес помню, голоса разбираю, могилы не ползают, время идет нормально, от утра до вечера, если не будильник, конечно. А читать тут можно. В «моем» городе тоже можно, но больше страницы-двух осилить не удастся, проверял. А тут?

В комнате, да и в доме, ничего лишнего. Роскошь программой явно не предусмотрена. Зато все нужное есть, даже печка на кухне, можно кофе сварить. А вот готовить нельзя – здесь просто не купишь продукты. Впрочем, кафе (скорее, таверна) совсем рядом, за два дома.

Кофе пока не будем. А вот книжки изучим, я их почти не глядя взял, даже не раскрывал. Первая, бедняга, без обложки лежала, такие я всегда жалею, стараюсь купить...

На русском, надеюсь?

«...Туземцы, которые погнались за мертвым бегемотом...»

К-каким бегемотом?! Н-да... Зато на русском.

«...Туземцы, которые погнались за мертвым бегемотом, поймали тушу двумя милями ниже, привязали ее к скале и сидели на берегу около мертвого животного, поджидая нас. Так как течение здесь было быстрое и скалистые берега не казались удобной пристанью, мы взяли бегемота...»

И съели. Бедняга бегемот! Чего там, на первой странице? А нет первой страницы, вырвана. Ничего, разберемся, книжку-подранка я из жалости взял, а вот вторую...

Таких совпадений не бывает! Кожаная обложка, медные уголки, золотое тиснение на корешке – ерунда, мне инкунабулы в золоте снились. А вот бабочка – пластмассовая бабочка на обложке, большая, приметная! Конечно, это может быть монография по энтомологии, раз уж тут про бегемотов книги продают. Но... Не верю, неспроста такое!

И взяли за кожаное чудище всего ничего, раза в два меньше, чем за ту, что без обложки. Всю дорогу хотелось раскрыть, но сдержался. Из принципа. Да и опаска есть – откроешь, а оттуда выпорхнет чего.

Бегемотов – в сторону, потом читаем. Ну-ка...

Есть! Прямо на форзацном листе!

«Моему другу Том Тим Тоту...»

Так у меня тут друзья объявились?

«Моему другу Том Тим Тоту. Это, парень, только начало!
Твой Джимми-Джон».

А хороши друзьяки! Том Тим Тот – и Джимми-Джон, два брата-акробата. Ну, с надписью понятно, я зарегистрировался. А книжка зачем? Впрочем, что за вопрос, узнаю, для того мне ее друг Джимми-Джон и подкинул.

...Я-то его психом компьютерным представлял – с глазами на затылке. Из тех, что говорить нормально не умеют. А он книжки пописывает, однако! И чего мы сотворили? «Microsoft Office 2002 и как с ним бороться». «Как я приручил свою мышь».

Толстый лист, слегка желтоватый. Пустой. А за ним... Готический шрифт, сверху и снизу – странные вензеля. Между ними...

Гипнономикон, или Власть над Гипносферой

Так... Закрывать книгу. Встать. Подойти к окну... Нет, лучше на веранду выйти. Где мои сигареты? Между прочим, в лавке продается именно «Атаман», но только зеленый.

...Почему «Атаман»? Откуда? Я его не инсталлировал, не было такого вопроса!

Смотрим на берег, на тихую воду смотрим, на охрипших чаек. Смотрим, курим.

То, что Джимми-Джон не шутит, я уже понял. Такие файлы дурак, даже компьютерный, не выдумает. Это раз.

Распространяются они бесплатно. Причем, если я правильно понял Влада, их не воруют, просто есть сайт, где все это добро лежит. Сайт якобы хитрый, не каждый зайдет, так сказать, для своих. Разумно – то, что прячут, всегда интереснее. Это два. Допустим, просто реклама, друг Джимми-Джон уверен, что его секрет не украдут, не смогут, и (пока!) снабжает всех желающих, так сказать, gratis. Тем более патента нет, несогласные протестуют, вот ему, Джимми-Джону, и нужны сторонники. Обычный ход, кока-колу тоже поначалу наливают бесплатно.

...И «косячок» дают курнуть на шару.

Допустим? Допустим! Это, стало быть, три.

Тогда зачем книга? На кого рассчитана? Эти mo.jpg смотрят всякие компьютерные недомки, которым по ночам Билли Гейтс снится. Они такое читать не станут, им надо все в двух слоганах изложить – причем прямо на экране монитора. Аршинными буквами.

А вот я, скорее всего, прочту. Откуда он, Джимми-Джон, знает? А если бы я не пошел в книжный?

...То есть как – не пошел бы? Инсталляция! Сведения о пользователе! Я, конечно, Том Тим Тот, но там еще вопросик был, даже не один. Образование, род занятий, ученая степень...

И я... Что значит привычка анкеты заполнять!

...Ин-стал-ляци-я! Ин-стал-ляци-я! Тьфу, привязалось! Экспедиционная привычка – как попадает слово на четыре такта...

Ну, Джимми-Джон, ну, молодец! Ладно, чего там, на первой странице? Термины-то, термины! Гипнономикон, Гипносфера. Хотя... Хотя все понятно.

«...Мы все – рабы снов. Настало время освободиться...»

Мы все – рабы снов... Я тоже?

16. Здание (Choral: P'09)

[.....]

Стрелять нельзя. В такое утро сухой треск выстрела ударит громом, отразится от земли, от стен, от деревьев, от неба, меня тут же услышат...

Ерунда! Если нажму на курок, все равно услышат, хоть утром, хоть ночью. Но стрелять и вправду нельзя. Их пока мало, а на звук сбегутся со всех сторон, перекроют, блокируют... Вот тогда точно – не уйти.

Стрелять нельзя. А что можно?

Можно прижаться к стене, холодной шершавой стене. И чуть заглянуть за угол – тоже можно.

Позади – спящие серые пятиэтажки, такие же спящие деревья в осеннем наряде. Из квартиры удалось уйти, хотя ждали меня еще там, и квартира была не очень – темная, глухая, да еще на первом этаже. В таких опаснее всего, однако ночь все-таки прошла, минула, а на улице меня просто прошляпили. Теперь же раннее-раннее утро, кварталы «сталинок» позади, а впереди – пустая площадь и те, что ждут меня.

Стрелять не стоит. Надо подумать.

...А я успел соскучиться! За городом, за его улицами, за таким утром, а главное – за самим собой, «здешним». Настоящим. Но сегодня доктор Джекиль отпустил-таки мистера Хайда на свободу...

Рассветет еще не скоро, в такую осень солнце поднимается поздно, очень поздно. Диск не виден, а ведь он справа, за Зданием. Но сейчас там туман, серая стена, такая же глухая, как та, к которой прижимаюсь.

Да и солнце не поможет. Когда идут по пятам, когда обкладывают со всех сторон, время суток не имеет значения. Даже темнота не страшна. Уйти – вот главное!

Уйду? Конечно, уйду!

...Не к главной улице, она пуста, совсем пуста, даже кошки бродячей нет. Разве что вправо, через переулки, через проходные дворы – туда, где траншея, где пустой балкон, где старые тополя...

Нет, туда не пойду. Забыть!

Значит, выбора нет. Здание!

Сегодня я даже не посмотрел на бабочку. То ли есть она, то ли... И смотреть не стану. Как доктор Джекиль ее называет? МоЗ.jpg, кажется? Мудрый Джекиль явно впал в детство. Бабочки ему, файлики...

Быстро, от дерева к дереву, серой тенью, беззвучно. Меня, конечно, заметят, но к Зданию все-таки успею, всегда успеваю. Там открыто, пустят, а внутри я сам себе хозяин.

Стой! Замри!..

Площадь пуста – огромная, голая, клочья тумана зависли над влажным булыжником. У тех дальних домов, что на главной улице, никого нет, но я знаю, чувствую – меня видят, хотя подойти пока не решаются. Им нужна темнота, закрытое пространство. Поэтому меня и пропустят к Зданию, думают, что поймали... Туда? Нет, подожду чуток, вдруг пойдут навстречу, тогда успею свернуть вправо, где спуск. Там опасно, спуск – всегда опасно, но все-таки шанс.

Что там, за спуском? Давно не был – и, честно говоря, не собираюсь.

Ждать, ждать...

Значит, «здесь» я зомби? А «там» я кто? Кажется, доктор Джекиль решил наставить меня на путь истинный. Ему смешно, что «здесь» опасна темнота, что не по всякой улице пройдешь...

А «там», извините? Помню плохо – и вспоминать не хочу. «Там» страха тоже полным-полно, с горкой. «Здесь» по крайней мере все зависит от меня самого. Почти все, если точнее. Надо пробраться ко входу. Бежать не стоит, лучше отсюда – прямо к стене, к желтой каменной стене, дальше – выступ, меня не заметят.

Вперед!

[.....]

Открыто! Здание, к счастью, всегда открыто. В холле темно, но люди есть, меня тут знают. Жаль, что раннее утро, прямо у входа есть неплохой бар, часто там бываю.

Двери! Они огромные, одному не закрыть, надо позвать, чтобы помогли. Те, кто идут по пятам, провозятся долго, я успею...

Надо спешить, но не хочется. Когда дверь закрыта, Здание сразу становится безопасным, сразу успокаивает. Это, конечно, не так, не всеми коридорами можно ходить, в правое крыло вообще лучше носа не казать, но все-таки...

Какое оно огромное! «Там» мне не нравятся большие дома, подавляют, даже настроение портят. «Здесь» же чем выше, чем больше – тем лучше. И ничего, что внутри темно, в Здании темнота не страшна, а наверху, начиная с пятого этажа, всегда горит свет... Сколько здесь этажей? Сто? Никогда не считал, даже не пытался.

Какое самое высокое здание я видел «там»? Не в кино, не на фотографиях – а чтобы рядом постоять? Московский университет? Да, пожалуй. Мое Здание никак не ниже. Чем-то похоже? Пожалуй, отчего бы и нет?

...Можно влево, там лифт, можно по центру, на третьем этаже тоже лифт. А вот вправо нельзя...

Я, который не спит, изобрел себе игрушку. Сон-игра, вроде компьютерной. Все под контролем, все безопасно, все понарошку. А главное, чтобы «здесь» стало похожим на «там». Чтобы время катилось так же, и пространство не сжималось, не рвалось в клочья, и люди вели себя, как неспящие.

Доктор Джекиль привык к рациональному миру. Доктор Джекиль не понимает, что мой мир столь же рационален, только по-своему. А вот если попытаться его изменить... Он, Джекиль (мы! мы!), историк, он (я!!!) должен понимать, что в каждой эпохе, обществе, каждом мире свои законы, менять их опасно...

...Нет, влево тоже нельзя, у лифта могут ждать, не дураки же они. Значит, по центру. И быстро!

Быстро!

По лестнице, по широкой лестнице, мимо огромного барельефа с чьими-то суровыми лицами, мимо цветных витражей второго этажа, мимо огромных запертых дверей. Тихо, моих шагов не слышно и ничего не слышно, но все равно надо спешить, торопиться... Быстрее, быстрее, быстрее!

Третий... На третьем этаже светлее, тут есть люди, поэтому бежать нельзя. А мы и не станем. Лифт совсем рядом, прямо в центре, в двух шагах всего.

Ночью Здание живет своей жизнью. Именно Здание. Квартир тут нет, учебных аудиторий тоже, но люди зачем-то остаются в Здании на ночь, их много, причем чем выше, тем больше. Что они, интересно, делают?

А что тут, в Здании? Не только ночью, а вообще? Странно, никогда не задумывался. Преимущество жизни «здесь». Стоит Здание – и очень хорошо. Не стояло – было бы хуже.

По-своему тоже рационально, доктор Джекиль?

А вот и лифт! Возле него, как всегда, толпа, но в кабину, кажется, попадут все. Она огромная, кабина, под стать всему, что в Здании. И даже не тесно.

Поехали? Поехали! Кажется, ушел... Нет, радоваться рано, лифт не едет до самого верха, там площадка, потом еще один лифт, но поменьше, кабинка на двух человек...

Уверен, мне, который не спит, скоро вся эта виртуалка с файликами осточертеет. Доктор Джекиль думает, что снами можно управлять...

Стоп! Он-то так думает. Во сне он уже не Джекиль, он Хайд, он – я! И не он, я гуляю по скучному берегу и читаю какую-то толстую книгу.

Мне – не ему – снится игрушечный сон!

Сон во сне. Лилипуты должны иметь своих лилипутов.

[.....]

Совсем забыл, что лифт не рядом с площадкой, дальше. Надо пройти коридором, он тут узкий, темный...

Шаги! Еще далеко, но я могу не успеть. Неужели обогнали? Нет, нет, скорее к лифту, можно срезать путь, если нырнуть в ту дверь... В ту? Да!

Что в этих комнатках? Такие маленькие... Нет времени вспоминать, надо спешить, надо спешить, там, чуть дальше, лестничный пролет, железная дверь...

Нет, сначала дверь. Вот она! Только бы не... Слава богу, открыта.

Лестница! Вверх!

Ерунда! Ни Джекиля, ни Хайда нет, все они – один человек, я, просто во сне все воспринимаешь по-другому, на то и сон!..

Я, который «там», привык к рациональному миру. И я, который «здесь», к такому миру привык. Мир вполне рационален, просто я (я! я – не «мы»!) вижу его с двух сторон.

А этот, Тот Тим Тот, кто он такой? Я-Джекиль зря считаю, что Тим – неспящий во сне.

[.....]

Выше нельзя? Нельзя, да и ни к чему. Выше – только небо.

За дверью лифта – крыша. Такая же огромная, целый аэродром. До правого края идти и идти, левый поближе, но и туда спешить не стоит. Высоты я не боюсь, чего ее бояться, но отсюда ничего не увидишь. Сейчас утро, город укрыт туманом, а тут очень высоко, Здание выше, чем Диск, особенно когда нет солнца.

...А все-таки здорово! Туман внизу, туман над головой, бездна под ногами, бездна всюду...

Вышка чуть дальше. Вот она! Железная лестница, за стеклянными стенами – неяркий огонь. И тросы, толстые стальные тросы, уходящие прямо в туман. Канатная дорога – из ниоткуда в никуда. Давно мечтал прокатиться!

В это утро народу мало. Тем лучше, в кабине не будет тесно. Насчет «в никуда» я, конечно, шутил, тросы ведут строго с севера на юг, от моря к красным плоскогорьям, через весь мир. Через весь МОЙ мир – на страшной высоте, через заоблачную бездну. По небу.

На юг? На север? Разницы нет, главное, я снова ушел, скоро взойдет солнце, я буду далеко.

Ты скучный человек, Том Тим Тот!

[.....]

17. Замок (Rezitativ: 4'24)

Правила всегда интереснее нарушать, чем соблюдать. Истина вечная, иное дело, в обычной жизни такое часто выходит боком. В обычной – дневной. Когда спишь, когда находишься в «моем» городе, тоже лучше не рисковать. Над черным могильным страхом хорошо смеяться под ярким солнцем, так что себя-спящего я не осуждаю.

А вот Том Тим Тоту легче. И вообще – и насчет правил.

Велосипед напрокат – десять крон! И то едва отыскал. Мораль? Мораль проста, проще некуда. В файле moz.jpg полагается релаксировать у моря – а не колесить по буграм. Но море я видел и город видел. А что тут еще имеется, в этом jpg?

Стоп! Не в jpg, не в маленькой картинке, которая где-то далеко, в памяти компьютера. Не в картинке, в том-то и дело!

[.....]

Рисковать больше не стоит. Велосипед за рога – и обратно к замку. Карта точна, точнее некуда: городок, море, в трех километрах на юг – замок, а дальше степь. Даже не степь – неровное поле, в буграх и ямах. Сколько не иди, все одно и то же. Хоть час, хоть три. Вывод? Вывод-то есть, причем не один и даже не два.

Несколько дней не выбирался сюда – попросту не открывал файл. Нарочно – хотелось кое-что обдумать. Беда в том, что я не Влад и не Джимми-Джон, не гений-хакер, для меня компьютер – лишь арифмометр с пишущей машинкой и экраном.

...КАК мне все зарядили? Море еще ладно, но вот ОТКУДА взялись детали и детальки? Фуражка с «крабом» у капитана-отставника, узорная решетка заборчиков, крик чаек, наконец? Нет, не наконец, наконец – замок. Сколько информации может быть в обычном файле jpg? Но чудес не бывает, товарищ Сталин правильно сказал.

В книге Джимми-Джона этого я пока не нашел. Впрочем, в таких вещах не грех разобратся самому. Одно дело просто сон – направленный или спровоцированный, совсем другое, если в башку вставили программу, этакий DOOM. Как вставили, пока не важно, возможно ли вообще такое – тоже не важно. Чудес, конечно, не бывает, но...

[.....]

Выметено, вычищено и даже, кажется, пропылесосено. Будь тут, скажем, музей, я бы не удивился, но замок пуст, абсолютно пуст, сюда никто не ходит. Увидев такое, я и подумал о компьютерной игре. Оцифровали, зашифровали... Так сказать, зомбирование, причем в лучших традициях XXI века.

...А заодно – и наркотик. Вдруг привыкну?

Так что зря обвинял я себя-спящего в излишней осторожности. Не помешает, не помешает! Тут и наяву народ от DOOM'ов с Quake'ами попадает в «дом хи-хи».

Значит, будем разбираться. И начнем... С замка и начнем, благо я как раз во дворе.

Итак, что мы видим? Двор прямоугольный, метров этак семьдесят на двадцать пять, ворота обиты железом, полосы широкие, клепки круглые. Первый этаж – шесть дверей, точнее, шесть входов, поскольку на двух дверей нет. Второй этаж – галерея, резные деревянные столбы. Входов там восемь.

Первый этаж: кухня, оружейная – и четыре помещения непонятного назначения, ибо пустые. А вот в кухне и в оружейной – целый музей. Но не музей – ни табличек, ни указателей, ни, само собой, экскурсоводов.

Второй этаж... Не нужен пока второй этаж, первого вполне хватит. В поварском деле я не специалист, а вот оружейную осмотрел, не поленился. Экспонаты хоть куда, хоть в Государственный Исторический, хоть в Кунсткамеру. Золотой отделки и рубинов-бриллиантов нет,

но и без того имеется, что взять в руки – или надеть на голову. Шлемы-бацинеты XIV века, поясные бастарды и даги XV-го, кинжалы-страдиоты... Все западное, немецкое, французское и, кажется, итальянское. Русского и татарского нет.

Отчего я вижу именно это?

В «моем» городе таких вопросов можно не задавать. Сон, как известно, небывалое сочетание вполне реальных и виденных явлений. Музейного оружия я насмотрелся, причем всякого, да еще и справочники листал по долгу службы...

Но почему в приморском городке, в наивной маленькой картинке – замок? Для пущей релаксации? Сначала посидел у моря, потом сходил итальянскими мечами полюбоваться? Скажем, картинка предусматривает нечто подобное, а мое воображение наполняет это «подобное» конкретикой. То же и с городком, и с прохожими. Если присмотреться, замок чем-то похож на Тракай, а там я бывал. И в таких приморских городках бывать приходилось...

Возможно такое? Как рабочая версия – да.

...А вот то, что за «Тракаем» бесконечное поле, вполне понятно. Программа имеет свои пределы, зайдешь за них – отбросит назад. Как в том же DOOMе, к примеру.

Или нет? Бесконечное поле в ухабах – разве не граница, не конец пути?

А на втором этаже не очень весело, вероятно, из-за наглухо закрытых ставней. В полутемные комнаты входить неприятно, да и смотреть почти нечего. В двух – рыцарские латы и мечи на стенах, в одной – какое-то резное кресло. Только в большом зале нет ставней, зато там вообще пусто, только старые лавки вдоль стен. Разве что гобелен...

...Честно говоря, нечто подобное ожидалось. Если уж замок, как без гобеленов? Без старых, выцветших гобеленов, истрепанных по краям, потертых, прибитых ржавыми штырями к стенам? Но гобелен оказался всего один, причем именно в зале. А вот сюжет удивил. Я ждал какой-нибудь торжественной процессии (привет, Эль Фано!), битвы, пира с жареными кабанами и собаками у стола, охоты на того же кабана, наконец. Но на гобелене вышито совсем иное. Что именно – догадался не сразу, вначале решил, что Ева со Змием...

Нет, не Ева – и не Змий. Неровное поле, острые зубцы серых скал, худосочные деревья, больше похожие на кусты, вдали – маленький контур замка. Это фон, так сказать, задник, а на нерадостной сцене – четверо: Дракон (его-то я за Змия и принял), Девица, Рыцарь и Смерть. Девица у дерева, Дракон рядом, Рыцарь вынимает меч – а Смерть прячется за скалой. Понимай как хочешь. То ли Костлявая ждет исхода поединка, дабы заняться побежденным, то ли дама с косой пришла за всеми сразу – именно такое приходит на ум. Может, из-за того, что гобелен выцвел, поблекли краски, размылись контуры...

...Как во сне! В настоящем сне, без всяких `mo.jpg`. Тогда тоже все подергивается туманом, начинает исчезать, блекнет...

...Дракон пришел за Девицей, алкая ее пожерти. Рыцарь поспешах к Девице, дабы Дракона мертвити, Девицу оную свободити. Девица плаче и рыдае, надеяться не переставает. От Смерти же ни единый не утече.

А над замком – радуга, еле заметная, маленькая. Я не удивился, когда увидел под фиолетовой полосой тонкую черную кайму. Восемь цветов, весь спектр – плюс черный. Каждый Охотник Желает Знать...

[.....]

Может, я слишком многого хочу? Может, во всем этом нет никаких ловушек и мин? Просто в ТАКОМ сне я могу рассуждать более трезво, вот и начинаю искать какие-то закономерности, правила... Только какие правила во сне? В «моем» городе все просто: темнота – плохо, свет – хорошо. А здесь, спасибо Джимми-Джону, темноты нет. И все!

Остается одно – вернуться в свой домик и сесть за книжку. Джимми-Джон пишет мудро, но главное понять можно. Понять – и согласиться. Пока, по крайней мере, я еще и половины не одолел. Собственно, никаких Америк австралиец не открывает, но...

Человек смертен, изменить сие мы пока не можем.

К сожалению, да.

Для всего, что задумано, человеку часто не хватает времени.

Кто бы спорил!

От трети до четверти жизни мы спим, уменьшить это время невозможно.

Угу. Окочурился.

От того, что мы видим во сне, во многом зависит наша «неспящая» жизнь. Хороший сон – хорошее настроение, плохой – плохое.

Естественно.

Химическое и механическое воздействие на мозг с целью регулировки сна слишком опасно.

Подписываюсь. Совершенно сапоги.

Вместе с тем в обычном сне мы себе не хозяева, ибо во сне распоряжается кто-то Другой, кем бы Он ни был.

По форме – мистика, по сути же верно.

Такой вот катехизис. Ради подобной элементарщины книгу не стоило и писать. Читать тоже. Но вот сегодня утром добрался до неожиданного. Человек – это земной шар, а сей шар, как известно, состоит из суши и воды. Мы живем на суше, море для нас – чужая стихия. Там можно плавать, там ловится рыба, но все равно в море опасно. Итак, суша – бодрствование, море – сон, так сказать, Гипносфера. Задача – научиться не только плавать в море, но и жить. Кроме того, за морем может быть новая суша.

Кажется, этот австралиец все-таки решил открыть Америку!

18. Огни (Rezitativ: I'34)

В черной густой темноте, в безвидной бездне – огонек, искорка, еле заметная точка в пространстве, булавочная головка, молекула света в хаосе. Желтый, мерцающий, беззащитный, обреченный. Мигнул, исчез, снова появился, вновь пропал.

Тьма. Черно.

[.....]

Огоньков два – две маленькие лампадки, два кошачьих глаза, два фонарика, непрошенные, дерзкие, пугающие, странные. Чернота сгустилась, набрала плоти, надвинулась со всех сторон, пошла на приступ – смять, раздавить, захлестнуть, утопить.

Черно. Темень.

[.....]

Огоньков семь – семь желтых пятнышек, семь маленьких островков в темном пространстве. Черные волны штурмуют, накатываются раз за разом, отступают, вновь идут на приступ. Островок света исчез, сгинул – сперва один, затем другой... пятый... последний.

Бездна. Топь.

[.....]

Огоньки всюду – неровные клочья света, исчезающие, возникающие вновь, сливающиеся в нестойкое целое, вновь распадающиеся, тонущие в черноте. Чуть слышный плеск, еле различимый гул, легкий стук, доносящийся из неведомой дали. Тьма отступает, собирается комьями, каменеет, застывает кристаллами, бледнеет.

Желтый свет. Серая дымка.

[.....]

Опушка леса – черные деревья, желтая листва. В сером небе – отблеск солнца. Легкий ветер треплет листья, срывает, пускает в недолгий полет. Яркий ковер на земле, влажные голые кусты, телеграфный столб с провисшими проводами. Шум ветра, шелест крон, далекий, еле слышный гудок паровоза.

Осень.

19. Пляж (Arie: 3'57)

Несколько камешков все-таки удалось найти – плоских, как на заказ. Кто-то словно нарочно спрятал их в серый песок.

Наводи! Навесным... целься! Огонь!..

Первый пошел!

Пошел, запрыгал – раз, другой, третий. Маленький каменный «блинчик»...

«...Лихорадка не так жестока в Тете, как в Квиллимане или на низменном побережье, и, поскольку в этой части Африки так же легко заболеть лихорадкой, как в Африке схватить простуду, приедем следовало бы перебраться с побережья в более высоко расположенные районы...»

Сдвинул шляпу на затылок («Поеду я в город Анапу...»), огляделся. Не пора ли и мне? В эти, «более высоко расположенные»? Зайти в кафе, взять какую-нибудь жареную скумбрию? Нет, лень! Уж больно хорошо тут, на сером песчаном пляже под нежарким солнышком. Лежать, читать про Африку, «блины» по воде пускать. Оптимальная диспозиция!

«...Отряд состоял из 80 солдат, и, несмотря на отклонения от режима, – поскольку большинство из них принадлежало к категории «неисправимых», – в течение 3 лет из них умерло только десять, причем от лихорадки 5. Хотя выяснилось, что хинин не предупреждает лихорадки, он оказался неоценимым при лечении, как только появились первые симптомы заболевания...»

Книжка про бегемотов, несмотря на подобные «лихорадочные» пассажи, оказалась очень забавной. Доктор Дэвид Ливингстон, «Путешествие по Замбези». Саванны, миомбо, термиты, баобабы... Не иначе Джимми-Джон увлекается географией. Хотя он прав, такие книги – самое подходящее чтение у моря. Во всяком случае, повеселее «Гипнономикона».

...Наводи! Целься!

Второй пошел!

Плюх... Плюх... Плюх!..

[.....]

Впрочем, главное я, кажется, понял. Не про файлы, не про эти mo.jpg. Тут дружище Джимми-Джон весьма-а-а немногословен. Оно и понятно – ноу-хау, патента нет, того и гляди сопрут. Так что приходится верить на слово. Вроде бы логично: зрение – наиболее сильное из чувств, «точечное» внешнее воздействие на нервные окончания... На картинке рисунок – не главное, там целая система светящихся точек, мудреная, как микросхема. Принцип горячей лампы – светишь спящему в глаза, а он видит солнце. Здесь то же самое, но в миллион раз сложнее. Так что никакой компьютерной игры, вся «картинка» моя, и берег, и домик, и замок. Но прописал мне ее дружище Джимми-Джон.

Воздействие пока слабое, поэтому и надо смотреть каждый раз.

...И бабочка – нечто похожее, световой направленный импульс, гасит сильное нервное возбуждение. Так что не анальгин, а все-таки валерьянка.

Логично? Поверим австралийцу? Никакой химии, никакого зомбирования, никакого побочного эффекта. Не хочешь – не смотри, последствий не будет, никакого привыкания, никаких следов.

Целься!..

Третий пошел!
Плюх... Плюх...

«...В конце концов экспедиция стала продвигаться вперед без проводников или с сумасшедшими проводниками. Как это ни странно, мы оказывались часто обязанными сумасшедшим из разных деревень: один из них почтил нас, когда мы спали под открытым небом, тем, что пел и плясал у наших ног всю ночь. Эти несчастные люди симпатизировали исследователям, считая, вероятно, что они – их поля ягоды...»

Вот именно! И мы с другом Джимми-Джоном в некотором смысле одного поля ягоды. Во всяком случае, я его понял. Не согласился, но понял...

[.....]

...Гипносфера – океан сна, в нем мы проводим до трети жизни. Там мы не хозяева, океан может быть тихий – а может быть Тихий. Захлестнет, уволочет в глубину – и просыпаешься с криком да с гадким настроением.

А главное – Время! Тут я с Джимми-Джоном более чем согласен. Во сне, слава богу, работать нельзя, но и расслабиться не всегда получается. Сон – не отдых, во всяком случае, не такой, как бы нам хотелось. Сон, чем бы он ни был на самом деле, – иная реальность. А в этой реальности случается всякое.

...Могилки ползают, к примеру.

Целься! Плюх... Плюх... Плюх...

Что можно сделать? Покорить океан, укротить волны? Нельзя. Сейчас нельзя – и еще долго будет. Кроме того, опасно. Перегородишь даже не море – залив, и тут же рыба уйдет, течение изменится, вода превратится в болото. Это не путь.

А где путь?

Плюх... Плюх... Вот и камешки кончились. Жаль!

Джимми-Джон предлагает строить «платформы» – как в настоящем океане. Искусственные острова над стихией. Эти `mo.jpg` – первая попытка. Платформы пока недолговечны, их требуется возобновлять, зато на них можно жить. Как на этом берегу, к примеру. Где-то бушует море, где-то гуляет страх – а ты тут, под солнышком. Подсознанию никто не мешает сублимироваться...

...Субли-ма-ци-я! Субли-ма-ци-я!

...а мне, разумному, позволено таковым оставаться – и делать, чего хочу. Все по Фрейду – океан нерационального, темного, а над ним – тонкая пленка рации. Только искусственного.

Убедительно? Вполне. Но мне кажется, друг Джимми-Джон чего-то не договаривает. Или сам до конца пока не додумал.

[.....]

Еще один «блинчик»? Отменно, отменно!

Плюх!..

«...На равнинах было много больших стад куалата и черных козлов, хотя обычно последние живут в горах...»

Ладно, про козлов с бегемотами – после. Вечером. Где тут наш талмуд?

«...Гипнономикон» тоже захватил с собой. Не почитаю, так под голову положу. Тем более книга, несмотря на кожаную обшивку, оказалась невесомой, на ладони нести можно. Почти как пушинка. Почти как сон.

Темнит австралиец, темнит! Как сей опус называется? Называется он «...или Власть над Гипносферой». Острова в океане – это еще не власть, это Хемингуэй. К чему Джимми-Джон ведет? Но как пишет, какой слог!

«...Сейчас каждый, кто вошел в Гипносферу, – Кортес. Он – Бальбоа, увидевший неведомый океан, Джеймс Кук, ступивший на песок Гавайев. Сравнение корректно, ибо все они в первый миг неизбежно поддавались эмоциям, поражаясь виденному. Рассудок заговорил позже...»

Не у всех – Джеймс Кук дальше эмоций не продвинулся. Съели Кука там, на Гавайских-Сэндвичевых. Как сэндвич. А почему аборигены съели Кука? Вопрос неясен, молчит наука.

«...Мы, люди, покорили пустыни, джунгли, горные хребты, осваиваем гидросферу и космос. Настал черед Гипносферы...»

Блям, блям, блям! Как рекламный слоган – слишком длинно. Ничего, пиарщики подберут. Что-нибудь вроде: «Милый, купи мне хороший сон!» А то и: «Во сне я ее трахнул!» – под портретом какой-нибудь недоношенной Спиртни Брикс. Нет, второе не годится, слишком двусмысленно. Мол, нравится, не нравится – спи, моя плюгавица. Еще пропаганду сексуального насилия припишут!

Ага, а это чего? В обычных книгах на последних страницах реклама – или пустые листы с грозной надписью: «На этом месте...» А тут?

«Дорогой Том Тим Тот!..»

Ну конечно! Дорогой Том Тим Тот! Понравилась ли тебе книга? Если понравилась, отправь двадцать долларов по этому адресу – и получишь ее целиком, натуральную, с розовым бантиком...

А про бегемотов заказать можно?

«Дорогой Том Тим Тот!

Надеюсь, ты хорошо отдыхаешь. Мешать не стану, но если:

– ты в душе конкистадор, а не трусливый филистер;

– тебе не хочется просто стоять на берегу океана;

– ты хочешь стать кем-то большим, чем ты есть,

РИСКНИ – и вырви эту СТРАНИЦУ!

Только имей в виду, дорогой Том Тим Тот, я ничего НЕ ГАРАНТИРУЮ. Это и в самом деле очень большой РИСК. Наш мозг, наше сознание и подсознание – неведомый Океан, а в Океане может случиться всякое. Подумай – но учти, что «Гипнономикон» можно найти в каждом файле, но ЭТУ СТРАНИЦУ ты больше не увидишь.

Твой Джимми-Джон».

Н-ничего себе!

Книга внезапно показалась свинцовой. Не удержал, на песок положил. Вот тебе и релаксация! Да за кого меня этот австралиец принимает? Пригласил в Диснейленд – и предлагает вступить в Иностранный легион?

Бабочка-а-а!

Нет, с бабочкой, с этим mo3.jpg, тоже лучше не связываться. Проснусь, задавлю к чертям свинячьим все файлы, надеру уши Владу за то, что не предупредил.

... Не море – разбушевавшийся океан. Свинцовое небо, гребень цунами у близкого горизонта, страшной волны, которую я так боялся в детстве. Не уйти, не убежать...

Стоп, стоп, стоп! Чего я, собственно, паникую? Берег как берег, море как море, страница как страница. Друг Джимми-Джон кое-что предложил другу Том Тим Тоту. И все! А друг Том Тим Тот закроет книгу и пойдет в кафе, рыбку жареную потреблять. Я же не конкистадор!

Значит, я – трусливый филистер?

20. Бабочка (Rezitativ: I'29)

[.....]

Ненавижу больницы!

Всем лучшим в жизни я обязан... Уж не знаю, кому и чему, но всем худшим точно – больницам. Ждать возле операционной, открывать дверь палаты, вдыхая затхлый безнадежный воздух болезни... Ненавижу! Ненавижу больницы!

Особенно такие.

Ее тут и не было! Обычный квартал, сзади трамвайная линия, спуск, выше – знакомый район «сталинок». Трамвая не дождался, редко он в этих местах ходит, пошел пешком, нырнул в проходной двор, чтобы угол срезать. Сколько раз так ходил – и ничего. Точно помню – проход между маленькими домиками, типичный самострой начала прошлого века, двор с наружными лестницами, древними такими. За грязными стеклами окон – пожелтевшие газеты, какая-то вата с елочными игрушками. А потом ворота – деревянные, в зеленой краске. Там всегда открыта калитка, а за нею – улица, что к вокзалу ведет.

И вот, пожалуйста!

...Огромный двор, корпуса «покоем», распахнутые ворота, «Скорая», ткнувшаяся бампером в кирпичную стену. Все старое, древнее, чуть ли не мхом поросшее...

И дух – тот самый, который ни с чем не спутать. Дух болезни. Застарелый, давний, вечный.

[.....]

Уходить поздно. Сзади... Не знаю, что именно, но там еще хуже. Придется идти насквозь, благо и ворота открыты, и двери.

...Только не через ворота! В такие приметы даже «здесь» верю.

Одно хорошо – редко мне больницы снятся. Одно время казалось, что в городе их вообще нет. Хотя ежели имеется кладбище, то как без такого? Лекарь, как известно, Смерти помощник.

Что это? Нет, тихо. Тут, кажется, вообще никого нет. И славно.

[.....]

Скорее! Сзади холод, там плохо, совсем. Зря я пошел по спуску! Чем ниже, тем хуже, а здесь, на востоке, почти всегда вечер. Скоро ночь...

...И не только вечер, не только ночь. Когда-то казалось, что именно тут, за спуском, вход ТУДА. Дантов ад в Гипносфере...

Гипносфера? Откуда это? А, Том Тим Тот, курортник! Что же ты не на своем курорте, доктор Джекиль?

Стоп! А бабочка есть? На месте, причем именно бабочка, а не светящаяся точка. Близко, совсем рядом. Не очень тебе верю, пластмасса, но в такой ситуации...

Какое все древнее! «Скорая» со спущенными камерами, ржавые борта, разбитые стекла. Что за модель, неужели старый «Москвич»?

И сыро! Господи, как сыро... Между кирпичами – мох (не зря казалось!), мертвый мох. И трещины. А это что? Такое я видел «там» – следы от осколков. На старых зданиях еще можно заметить рядом с надписями: «Проверено. Мин нет».

А тут – проверено?

Все, ждать нельзя! В дверь, она открыта, дальше коридор и выход на улицу...

Никого, ни души! Но чисто, подметено... А это что на стене, да еще под стеклом? «Медицина в Средние века»? Наглядная агитация, просвещение хворых и убогих. Фотоспособом,

снимки черно-белые... Встречал такое, причем именно в больнице. Сон, как известно, сочетание уже виденного...

«Везалий проводит анатомический опыт», «Кровопускание», «Ампутация руки»... Бр-р-р-р!

Налево? Направо? И там темно, и там. А я-то думал, за дверью – сквозной коридор! Направо слишком мрачно, налево все-таки посветлее...

Бабочка? Намекаешь? Куда ты меня унесешь, а? Лети пока рядом.

[.....]

Так... Светло, пусто, чисто. И стены другие – у входа в старой краске, а здесь пластик... И даже плитка. И воздух другой, чище. Чище, но...

Откуда я пришел? Коридора нет, только двери! Скорее!..

Стой! Очнись, и такое бывало. Это не ты бежишь, страх тебя гонит, он тут, рядом. Вот погаснет свет...

Окна? Нет окон!

Закрото... Закрото... Закрото...

Открыто! Светло? Светло!

[.....]

Вот отчего так чисто!

...Лица на камне, на неровных полированных плитах – всюду, от пола до потолка. Овальные фотографии, черно-белые, цветные. Под ними надписи – фальшивым золотом. То, что и должно быть – фамилия с именем-отчеством, даты, все прочее. «Дорогому брату...»

Не смотреть! Не ловить ИХ взгляд! Не смотреть...

Дверь! Ну конечно, какая дверь?

[.....]

Успокойся! Успокойся! Успокойся! Это сон, обычный сон, ты кулак под сердце сунул, ты такое видел. Мало ли колумбариев: в Москве, на Донском похожий, только с окнами. Ничего страшного нет, нет и быть не может, в крайнем случае проснешься, проснешься, встанешь, выпьешь кока-колы из холодильника, потом смеяться будешь, могилы не ползают, это все сон, сон, сон. Забыть бы его, проклятый сон, проклятый город! Забыть, ЗАБЫТЬ!..

Проснуться!

[.....]

А если НЕ ПРОСНУСЬ?

[.....]

Не могу двинуться. А вот это совсем плохо.

[.....]

Темнеет. А лица по-прежнему светлые. Они не оживают, мертвые не могут ожить, даже «здесь». Крикнуть? Последний, безнадежный способ – прогнать криком. Тогда я обязательно проснусь, обязательно, крик будит, знаю точно, проверено.

Давит. Не могу.

[.....]

Сейчас... Как в тот, последний раз – сначала нечто черное, длинное у самых ног, затем сядут вокруг, заговорят. Посочувствуют даже. Беседовать будут долго, о чем-то совещаться, тянуть время. Потом встанут, подойдут.

Проснуться! Проснуться! Проснуться!

[.....]

Ни крикнуть, ни сдвинуться с места, ни закрыть глаза...

Бабочка? Нет, не бабочка – диск! Светящийся диск, маленькое солнце, маленькое солнышко.

Скорее!!!

[.....]

...Пустая палата, облупленная краска на стенах, ржавые кровати, провисшие голые сетки.

Из окна – неяркий вечерний свет...

Бабочка!

[.....]

...Сяду. Прямо сюда, на травку.

Подумаешь – смешно становится. Стыдно даже! Какие-то мертвые с косами. Чушь, дичь!.. Это НЕ Я боюсь! Страх не во мне, он снаружи, в глубине черного подсознания, в этом океане, в Гипносфере, будь она!..

А если бы я не решился потянуться к бабочке? Фу ты! И думать не хочу!

Молодец, пластмасса! Где это ты? Рядом? Конечно, нет, ты в небе, маленькой звездочкой. Ведь сейчас день, трава, ветерок, солнышко.

Вот тебе и анальгин!

21. Страница (Choral: P'20)

[.....]

– А корабли сюда заходят?

– Очень редко, господин Том Тим То-от, очень редко-о.

– Дорога? Куда она ведет?

– В соседни-ий горо-од, наверно-о. Мы туда не ездим.

– А ваш город? Как он называется?

– На-аш? Странное дело, господин Том Тим Тот, забыл. Старость, господин Том Тим То-от, старость!..

Чего я хочу от отставного капитана? Откуда ему знать про корабли и про названия? Я же сам с собой говорю!

Файлик этот, mo8.jpg, как я понял, из простейших. Функция, не больше, – солнышко, серый песок, чайки. Странно даже, что тут замок с гобеленом образовался. Так зачем же я...

– До свидания!

– До свидания, господин Том Тим То-от!

Внезапно, в который раз, поблекли яркие краски, потемнело небо, чернотой подернулось близкое море. Иногда и в раю неуютно. Да и какой рай? Компьютерная игра, пусть и без компьютера.

Не совсем, конечно, – без. И файл есть, и программа. Тот же DOOM, только в моем мозгу инсталлируется.

К морю, на чаек смотреть? В домик, почитать про бегемотов? Или в замок? Нет, не хочу! Потому и пристаю с вопросами к ничего не знающим обитателям-призракам городка-призрака. Границы этого мира, сонного маленького мирка, где они? Да вот же, рукой достать можно!

Бабочка – маленькая звездочка в голубом небе – внезапно показалась особо симпатичной. Подзову – и прочь отсюда! Куда угодно, если что, ты меня, пластмасса, и выручишь. Ты тоже программа, но надоесть не можешь, как не надоедают анальгин и валерьянка. Вот за бабочку-выручалочку пламенное тебе русское мерси, Джимми-Джон!

А может, все-таки к морю? Нет, лучше в домик, про бегемотов читать.

...Кажется, в последнее время потеплело. Белый пиджак приходится нести на руке, рубашку расстегнуть, дурацкую белую шляпу даже надевать не стал. Весна! А как тут летом? Да чего гадать, узнаю, крон еще много, ресурс и наполовину не исчерпан. Только с каждым разом охоты попадать сюда все меньше. Этот мирок действительно для пенсионеров, друг Джимми-Джон! Для сонных отставников, которым уже ничего не надо, ничего не хочется. Сиди себе у моря, клюй носом.

На дереве, что у входа в мое пристанище, – маленькие белые цветы. Похоже на яблоню, но не яблоня. И не абрикос, и не...

Да какая разница? В DOOMе тоже деревья растут, так я их родом-видом не интересуюсь. Все! Пора отсюда, с этого безмятежного курорта. А то жить скучно станет.

[.....]

«...Некоторые туземцы, как здесь, так и в Сешеке, научились кое-каким подлым уловкам более цивилизованных торговцев. Однажды вечером нам принесли кувшин молока, которое было обязано своим происхождением не столько корове, сколько Замбези. В других местах в корзинах, которые казались наполненными прекрасной тонкой белой мукой, внизу оказывались отруби...»

Книга о бегемотах летит в угол, прямо на низкий белый табурет. Ты тоже научился подлым уловкам более цивилизованных торговцев, Джимми-Джон. Хорошая рекламная кампания! Да только не для меня, на такое меня не купишь. И я твои файлы покупать не стану, хватит этого. Я тебя понял, Джимми-Джон! Рассуждения о конкистадорах, о платформах в океане, о новом мире, вся эта Гипносферщина – просто болтовня. Главное – файлики. В одном соскучишься, другой захочешь. Здесь нет страха, мой австралийский друг, зато есть скука. Может, оно и лучше, но ненамного.

Позвать бабочку – и туда, в мой город? Мой – без всяких кавычек? И спящие, и неспящие не планируют жизнь, не выдумывают, не прописывают в программах. Поэтому и жить интересно. Страшновато – но интересно. А это и вправду компьютерная игра, все предсказуемо, все ясно заранее...

Кроме страницы.

Так, где она? Ну-ка, ну-ка... Вдруг исчезла? Нет, не должна, не должна! Вот!

«Дорогой Том Тим Тот!

Надеюсь, ты хорошо отдыхаешь. Мешать не стану, но если:

– ты в душе конкистадор, а не трусливый филистер...»

Вот твоя подлая уловка, Джимми-Джон! Только уловка эта не для конкистадоров, так что зря меня провоцируешь. Хитро придумано! Я, как и всякий другой, тут побывавший, уже успел оценить твой рай. Но это очень скучный рай, вот ты и предлагаешь рискнуть. Все как в жизни, да? Как в настоящем сне? Вот тогда и пойдет ТОРГОВЛЯ?

А насчет риска – зря, Джимми-Джон. Вырву страницу – и что? Крокодил из-под пола выскочит? С ума не сойду, не заболею даже. Проснусь, пошлю тебя, друг мой австралийский, на три буквы, которые не jpg, и другим закажу, чтоб даже не пробовали твоими файликами баловаться.

...Поэтому крокодил не выскочит. Джимми-Джону не нужна антиреклама. А что нужно? Может, эта страница вроде теста? Самые скучные и ленивые, которым ничего не требуется, кроме песочка да солнышка, для которых и mo8.jpg – рай, так в нем и останутся. Подобные файлы можно и бесплатно разбрасывать, не жалко. А вот для других – другое. Особенное.

Угадал, друг Джимми-Джон?

[.....]

Ладно, почти решил – почти решился. Но сначала выйду из домика, погляжу на близкое море, вдохну запах водорослей, сорву цветок с неведомого дерева... Нет, цветок срывать не стану, пусть красуется.

А все-таки тут здорово! Время от времени стоит заглядывать в сонный городок, чтобы поваляться на пляже, побродить по замку, в кафе пустое заглянуть. Жаль, здесь нет никого из ЖИВЫХ...

Вот! Понял. В этом все и дело! Неспящие общаются с живыми. Спящие общаются с призраками, но страна «здесь», миры снов, Гипносфера – тоже призрак. Свой со своими, все правильно, все ровня. А здесь... Не «здесь» – просто здесь. Здесь иллюзия реальности, почти полная – но нет живых. Будь тут хотя бы кто-то реальный... А если не «кто-то» вообще? Если друзей-приятелей собрать? Пикничок устроить, прямо на берегу. С шампанским и барбекю.

...Или исследовать замок – по-настоящему, с составлением плана, атрибутикой оружия, с фотографированием и экспертизой гобелена. Собрать экспедицию, человек шести хватит за глаза, прописать в программе инструменты...

Кажется, повелю. Археологическое исследование замка. Местонахождение объекта – файл mo8.jpg. «Дорогая передача! Во субботу, чуть не плача, вся Канатчикова дача...»

И вообще, чего я стою, видами люблюсь? Сзади – дверь, за дверью – комната, на столе книга раскрытая – как раз на нужной странице. Персональное приглашение требуется? Пожалуйста! Дорогой Том Тим Тот! Вырви, будь любезен, страницу и не тяни время, а то будильник зазвонит, у тебя завтра вторая пара.

...Хорошо еще, что не первая, иначе бы я тут не стоял!
Вперед? Вперед!

«Дорогой Том Тим Тот!
Надеюсь, ты хорошо отдыхаешь...»

Да лучше не бывает, дорогой Джимми-Джон!
Тр-р-р-ресь! Прощай, страничка! Ну, где крокодил? Ни грома, ни молнии...
– Привет, Том Тим Тот!

А вот и крокодил!

...Высокий, широкоплечий, загорелый, прямо как с журнальной обложки. Старые джинсы, клетчатая рубашка завязана узлом. А глаза голубые, яркие.

– На вопросы ответить не смогу, я – только запись.

Это-то я понял, но... Здорово! Точно как во сне – или у Булгакова. «И соткался из этого воздуха призрачный гражданин престранного вида...»

– Там, на странице, появится адрес. Проснешься – включи модем и набери. Не забудь назваться, а то я-настоящий с тобой еще не знаком. Да, укажи название файла и свой часовой пояс. Напишешь?

– А вот сейчас! – киваю, на миг забывшись. – Значит, это был все-таки тест, Джимми-Джон? Конкистадоров ищешь?

На бессмысленные вопросы, как известно, не отвечают. Призрачный гражданин престранного вида подмигнул... сгинул.

Оп-па!

А зачем ему мой часовой пояс?

22. Джимми-Джон (Rezitativ: 1'11)

[.....]

...Язык, имя пользователя... Том Тим Тот, я, дорогуша, Том Тим Тот, привыкать пора. По сторонам и смотреть не стоит. Та же светлая комната без окон, без дверей, компьютерный столик, горящий экран.

Или не совсем та? Без разницы, собственно говоря. А вот то, что я очутился тут, и вправду интересно.

Давай, железяка, думай.

...Инстал-ля-ци-я! Тьфу, привязалось!..

Хитрюга Джимми-Джон на контакт идти не пожелал. Ответил сразу, минут через двадцать, но вместо чего-нибудь внятного – новый адрес. А там страничка, слепая да глухая, почти без всего, а на страничке (ха-ха!) – файллик.

Вот этот.

И надпись: «Посмотри ровно в 23.00 по Афинам (3 минуты). Файл не копируй, не получится».

...Естественно, по Афинам. Афины я и указал, как ориентир. Мог бы и Стамбул, разницы нет. Часовой пояс мой, так что все верно. Правда, язык инсталлирую все-таки русский, но... Из принципа!

И все-таки, для чего австралийцу часовой пояс? Спросил бы прямо, откуда, мол, друг сердечный, русскоязычный? Или на картинку можно смотреть только в 23.00 по афинскому времени?

– Нимми-нимми-нот!..

Голос прозвучал сзади, но я ничуть не удивился.

– ...А зовут меня Том Тим Тот!

Теперь и повернуться можно.

Уже соткался! Все тот же – и джинсы старые, и рубашка узлом... Эге, как же я не сообразил? Ведь так не носят, это, извините, ретро, родные семидесятые.

Зацепочка, зацепочка!

– В сказке не Том Тим Тот. Там – Том Тит...

Оставалось пожать плечами.

– Ну, я же не бесенок с прялкой. Привет, запись!..

– Привет!

Голубоглазый подмигнул, быстро оглянулся и, не обнаружив ничего подходящего, присел прямо на краешек стола. Еще бы, с его ростом!

– Изрекай! – предложил я.

– Изрекаю, – охотно согласился он. – Только я не запись, Том Тим. Сюрприз-и-из!

Получилось точно, как в голливудском фильме.

– Не может быть, – вздохнул я. – Чатов во сне не бывает.

Белозубая усмешка – как у акулы. Очень добродушной, но акулы. Австралийской.

– Думаешь, я только картинками балуюсь? Но если хочешь, проверь, Том Тим. Если я запись, то многого знать не могу. Спроси! Столица Малайзии, например.

Пришлось задуматься. И крепко.

– Нет, Джимми-Джон, не выйдет. Столица Малайзии – Куала-Лумпур, такое даже я знаю. Значит, не ты мне ответишь, а я – сам себе. Это не сложнее моря с чайками, друг Джимми-Джон!

– Ага, – подхватил он, – файл mo8.jpg, понял. Тогда... Тогда пока ничего не стану доказывать. Просто поверь – или просто не поверь. Так что у тебя случилось-то? В чем рекламация? А вот теперь самое время моргать. На четыре такта.

...Рекла-ма-ци-я! Рекла-ма-ци-я! Рекла-ма-ци-я!

– «В чем рекламация» – не совсем по-русски, – осторожно начал я. – Смени программу-переводчик, Джимми-Джон. Рекламаций нет, чайки вели себя хорошо...

Вот уж не думал, что во сне, даже в таком, придется слова подбирать!

– А зачем ты мне книжку подбросил, а? Толстую-толстую книжку «Гипнономикон»? Зачем страничку вырывать было? А пугать? Насчет океана подсознания? Шутки шутим?

Теперь думать пришлось ему. И долго. Не просто думать, со стола тоже слезть.

...Сел он прямо на пол.

– Вот даже как? Ну, ты даешь, Том Тим!

– Я?!

Слушал он, не перебивая, хотя сдерживался не без труда. Я даже подумал, что по профессии мой австралийский друг – преподаватель. Или, скорее, следователь, для которого так важно выслушать подопечного. Впрочем, на телемастера Джимми-Джон тоже был похож. Вызвали, значит, в квартиру и сообщают, что экран показывает... Ну, скажем, поверхность Плутона – в прямой трансляции. Даже не так, поверхность Плутона – не такое и чудо. А вот если экран колосьями пошел...

– Интересно!

– Не то слово, – согласился я. – Только вот, что именно?

Голубоглазый встал, с силой провел рукой по непричесанной шевелюре, улыбнулся – но уже никак не по-акульи.

– Насчет страницы... Я не знал, что у тебя будет страница, Том Тим. Каждая программа предусматривает «жалобную кнопку». Ну, если все пойдет не так. Обычно это действительно кнопка – или рычаг. У тебя оказалась страница. А вот книга...

– Книга, книга, – поторопил я. – Конкистадоры у неведомого океана. Кортесы Гипносферы!..

Джимми-Джон кивнул.

– Гипносфера... Отличное слово! Я не писал эту книгу, Том Тим. Не писал и не подбрасывал. В файле есть всего несколько текстов – в том числе и Ливингстон, которого ты купил. Я решил, что, если море, значит, читать надо про путешествия. В моей библиотеке такая же – без обложки, только, понятно, не на русском. А «Гипнономикон»... Это – твоя книга, Том Тим! И все, что там написано, – твое.

– Нет!

Надеюсь, голос мой прозвучал достаточно твердо.

– Твоя. Ты правильно понял, файл дает лишь, так сказать, опорные точки, сознание само заполняет их. Тебе хотелось осмыслить происходящее. Ты осмыслил.

...Как бы покультурнее? «Ни хрена себе!»? А переводчик справится?

– Странно, – наконец выдал я. – Оч-чень странно.

– Не очень, – Джимми-Джон вновь улыбнулся. – Ты прав, сон – действительно океан. И будет очень здорово, если мы научимся жить в... в Гипносфере. А об остальном еще поговорим, если не возражаешь. Погляди... Скажем, завтра... На этот файл – в то же время. Ради такого вновь выпью снотворного.

И вновь захотелось моргнуть. У бедняги что, бессонница? Или... Господи! Иисус Христос и генерал Джексон! Часовой пояс, ну конечно! Спать положено по ночам, а сейчас в Австралии – совсем не ночь. И если это действительно – прямая связь...

Кажется, голубоглазый говорит правду. Такое в запись не вложишь. Или все-таки вложишь?

– Могу опоздать, так что не сиди. Прогуляйся.

Я невольно оглянулся. Ни окон, ни дверей.

– По потолку?

– Увидишь! – Джимми-Джон подошел к светящемуся экрану, постоял мгновение, затем пальцы скользнули по клавиатуре. – У меня нет пока особых файлов для связи. Беру неудачные. Как этот.

– Крокодилы? – подхватил я.

Даже не обернулся, только хмыкнул.

– Не крокодилы... У тебя какие файлы есть, кроме mo3 и mo8?

Mo3? Как он узнал? Разве бабочка тут? Тут, даже забыл. Привет, пластмасса!

– Mo14, – не без труда вспомнил я.

– Бар со стриптизом. Легкая эротика – и никаких спиртных напитков, кроме пива. Первое поколение, такие делал еще года три назад. Этот – новый, очень сложный. Да ты сам увидишь. Не бойся уходить далеко, найду.

– Крокодилы, – напомнил я.

Он соизволил обернуться.

– Дело не в крокодилах. Здешние... обитатели ведут себя не слишком адекватно. И время тоже...

Голубые глаза скользнули по циферблату... Оказывается, и тут можно носить часы!

– Пора! Я будильник поставил...

– погоди! – заспешил я. – Просто для интереса. Я – Том Тим Тот, ты – Джимми-Джон, друг о друге мы ничего не знаем – кроме часовых поясов и того, что я говорю по-русски. И не надо, согласен. Но... Внешность, возраст – это откуда? Они настоящие?

...То, что парню с обложки едва ли двадцать пять, я понял давно. Но – пусть скажет.

Теперь его улыбке вновь могла позавидовать акула.

– Ты все понял, Том Тим! И внешность, и возраст можно прописать в программе, но в данном случае файл сам подбирает – адекватно к условиям. Ты на пляже, когда работал с mo8, в зеркало не смотрелся?

– Еще не хватало! – возмутился я. – Зеркала во сне...

– Это же не простой сон, – засмеялся он. – Зеркал тут можно не бояться, смотришь вволю.

Так что скоро узнаешь. А там, на пляже, тебе было лет шестьдесят.

Так я и знал! Пенсионер на отдыхе.

– Здесь же... Программа неудачная, я тебе говорил, поэтому даже не могу точно сказать, КЕМ ИМЕННО ты станешь.

– Крокодилом, – уверенно заявил я.

– Таковых не предусмотрено. Но если увидишь, что стал, скажем, подавальщиком в буфете, не удивляйся. Ничего, скоро у меня будет специальный связной файл, и вся эта импровизация не понадобится... Ну, чао!

«Чао-какао!» так и просилось на язык, но я все-таки сдержался. Из жалости к программе-переводчику.

[.....]

Кого хочешь обмануть, Джимми-Джон? Речь коверкаешь зачем, Джимми-Джон? Джинсы тертые к чему, Джимми-Джон? Не идет тебе оскал, Джимми-Джон! Ты не мальчик, не плейбой,

Джимми-Джон. Мы с тобой в одних годах, Джимми-Джон. Но вот гений ты и впрямь, Джимми-Джон!

Бабочка-а-а! Ком пу мир битте, бабочка. Не хочу я быть владычицей морскою. И подавальщиком в буфете – не хочу. Так что полетим-ка мы с тобой, выручалочка!

[.....]

...Грозовые тучи обступили горизонт, море застыло, замерло, словно превратившись в стекло, но я знал – скоро! Не зря я тут, на вершине, не зря так шумит ветер, так кричат чайки. Настоящие чайки. И море – тоже настоящее!

Внизу – маленький поселок, дорога, долгая серая лента пляжа. Как давно я тут не был!

Как давно я не был «здесь»!

Скоро, очень скоро! Море дрогнет, горизонт вздыбится, набухнет свинцом – и я увижу Большую Волну. На миг темные воды отступят, побегут назад, обнажая черную ямину, утаскивая в неведомую бездну лодчонки-скорлупки. Потом горизонт забелеет пеной, вознесется гребень – и Она грянет. Медленно, медленно, быстрее, быстрее... Грянет, ударит, рассыплется прямо у моих ног.

Затаил дыхание. Замер. Разве что-то может сравниться с этим?

Кажется, я только что видел сон. Очень скучный сон! Очень скучный сон про очень скучного Том Тим Тота. Ладно, пусть себе. У лилипутов должны быть свои лилипуты.

ВОЛНА!

23. Паут (Choral: 1'19)

[.....]

... Не заснуть, слишком темно, плавает, плывет, ближе, проход, не сплю, встать, покурить, иду, ближе, свет, уже сплю, не сплю, поднимаюсь, радуга, отчего радуга, все-таки сплю, нет, так не бывает, сейчас засну...

[.....]

Компьютером на этот раз не одарили. И ничем не одарили. Та же комната – пустая и без окон. Зато с дверью.

Джинсовый австралиец в нетях. Опаздывает. То есть не опаздывает, начальство не опаздывает, задерживается. Как он советовал? «Прогуляйся»? Постой, друг Том Тим, за буфетной стойкой, клиентов развлеки. Дождется, как же! Но с другой стороны...

За дверью – легкий шум. Что именно, не понять – то ли бензопила кого-то укорачивает, то ли чайник закипает.

С другой стороны, если Джимми-Джон не шутит, данная картинка – нечто совсем новенькое. Почему он взял для связи бракованный файл, ясно – дабы качественные не портить. Но отчего именно этот? Да потому, что для... гм-м-м... гипнотелепатии что-нибудь простенькое, вроде то8, не годится. Так что этот файл, можно сказать, последнего поколения, с конвейера, с пылу, с жару.

А деньги тут дают?

В карманах – пусто. Странные карманы, в такие и пачка сигарет не влезет. Что это на мне надето такое, уж не фрак ли? Фу ты, пакость! Как у Чарли Чаплина: «Я граф де Ха-Ха!...» И сигарет, между прочим, йок... Комнату осматривать бесполезно, ничего в ней нет и быть не может. Значит? Значит, другу Джимми-Джону не хочется, чтобы я тут слишком долго гулял. А вдруг я гений-хакер? Кину орлиный взор – и все вычислю? А так, без денег да еще без сигарет...

Ну, что там за дверью? А за дверью, как и полагается, коридор. Узкий, длинный, темный, полсотни шагов, не меньше. Слева черная стена, глухая, деревянная, в свежей краске. Справа тоже стена, но с какими-то дверцами.

А это что? Зеркало? Поверим хорошему парню Джимми-Джону? Если поверим, то...

Атр-р-ракцион номер р-р-раз. Зер-р-ркало для гер-р-роя!

Тот, кто на меня взглянул, не понравился. Ну, совсем, ни чуточки. Парню лет... двадцать? Никак не больше, никак. Ростом почти с Джимми-Джона, а вот ликом точно с журнальной обложки, с какого-нибудь «Птюча». Хотя, если присмотреться... Да, лицо слегка мое. Оччень слегка.

... Значит, и Джимми-Джон – настоящий! – чем-то похож на голубоглазую акулу? Учтем, учтем.

А от прикида вообще тошнит. То ли действительно фрак, то ли смокинг, то ли редингот даже, то ли все вместе.

Все, хватит любоваться! Показать язык... Пошли!

... Слева стена, справа – дверцы, ящики, ящики, дверцы, снова дверцы. Открыто? Непорядок, закрыть надо, а то не пройду... Стоп! А почему – открыто? Тут чудес не бывает, тут все не зря... Ага!

Вначале показалось, что папка – кожаная, из тех, которые положено начальству на стол класть. Но когда ухватил да потащил, стало ясно – другое. Но чем-то похожее.

Бумажник? Ай да Джимми-Джон, шутник!

Пухлую пачку с трудом рассовал по карманам. Присматриваться не стал. Что кроны, что евро, что тугрики – какая разница?

[.....]

– Добрый вечер! Вы – Эрлих Грейвз?

На ней было красное платье – длинное, почти до пола. Остальное я и не заметил, кроме разве что роста. Тот, в зеркале, почти баскетболист, а эта его (меня!) даже повыше будет. Девушка с веслом. А где весло?

На всякий случай оглянулся. Весла не было. Коридор тоже исчез, вместо него – большие стеклянные двери.

Она улыбалась. Кажется, надо отвечать.

– Том Тим Тот. Но согласен на Эрлиха.

– Альда. Альда Клеви.

Узкая рука в белой перчатке протянулась вперед. Никак, лобызать велят?

...Значит, ждали Эрлиха Грейвза? Будем знать!

Внезапно захотелось щелкнуть эту, в красном, по носу. Просто так, ради вредности. Они же все компьютерные, игра Kyrandia!

Рука протянута. Касаюсь – не губами, ладонью. Я – демократ!

Касаюсь. Взлетаю.

...Вверх, вверх, не спеша, плавно. Мимо белых мраморных стен, мимо зеленого дерева с пышной кроной, мимо огромных стрельчатых окон.

Выше!

Она рядом, глаза закрыты, на губах улыбка. Она тоже летит, ей не страшно, и мне не страшно. Ее ладонь коснулась моей, уплыла в сторону. И оба мы словно не летим – плывем, поднимаемся вверх из глубокого омута. Медленно, неспешно, но почти без труда. Нас тянет вверх, вверх, вверх...

Теперь ее глаза открыты. Станный взгляд! Кого она видит? Наверняка не меня, не Эрлиха Грейвза с обложки журнала «Птюч», кого-то другого. Уж не меня ли НАСТОЯЩЕГО?

...Обычное лицо, короткая стрижка, черные волосы. В маленьких ушах – крохотные сережки с красными камнями, на шее нечто сверкающее, в бриллиантовой пыли – и тоже с красными пятнышками.

Откуда ты, прекрасное дитя?

Летим! Выше, выше, наши руки вот-вот соприкоснутся...

[.....]

– Вы жених Дайзы? Она здесь.

Кажется, надо привыкать – к бракованным файлам в том числе. А если бы и в самом деле крокодил появился?

...Но ведь во сне летают, а я сплю? Тогда почему мы снова стоим на том же месте?

– Альда...

Язык прикушен. Ну, ответит, что, мол, летали. Какой смысл?

– Ладно, согласен! Я – жених Дайзы... А заодно и Лайзы Минелли. Мы здесь в какую игру играем?

Улыбка... Приятная у нее улыбка. Зря это я, компьютерная Альда на такое и ответить не сможет.

– Игра очень скучная, Эрлих. Называется «светский раут». А еще скучнее, что я – хозяйка. Родителям пришлось уехать, а отменить было нельзя. Увы...

Как она взяла меня под руку, даже не заметил. И как мы оказались на лестнице – тоже. Зато ее, лестницу, разглядел хорошо – широкая, мраморная, как и стены, как и колонны у входа. Под ногами – ковер, прихваченный медными прутьями, по сторонам светильники в виде каких-то птиц...

Светский раут? Тоска! И кто же такой файл заказывал?

[.....]

А между тем мы тут одни. И у дверей, и на лестнице – никого, ни одного человека, даже кошки нет. Где же гости? Где графья с баронетами? Может быть, в зале? Или в комнатах? Где устраивают раут – в зале или в комнатах?

Это оказался зал, и был он абсолютно пуст.

– Я вас покину ненадолго. – Альда вновь улыбнулась, поглядела куда-то в пустоту. – Надо сказать пару слов госпоже Грасс...

– Ага...

Стулья, к счастью, тут имелись. Вот курева не было, что изрядно расстроило. Зато я понял, почему Джимми-Джон уверен, что найдет меня здесь. Разминуться трудно!

...Альда с кем-то разговаривала, с кем-то невидимым, несуществующим. Не с кем-то – с глубокоуважаемой госпожой Грасс. Та явно что-то внушала молодой хозяйке, девушка послушно кивала...

А если посмотреть на меня-спящего со стороны? Я тоже общаюсь с призраками? Правда, в моем городе некому подглядывать...

Да, жутковато! Огромный пустой зал, нелепая лепнина под потолком, тишина, мертвая, гулкая – и девушка в красном платье в окружении невидимых фантомов. Можно даже догадаться – сейчас она беседует с кем-то одним, наверняка мужчиной, а теперь подошла к целой компании, не иначе сверстниц. Смеется, о чем-то оживленно рассказывает.

[.....]

– Почему вы скучаете, Эрлих?

Невольно вздрогнул. Как она подошла, я даже не заметил.

– У вас сигарета найдется?

Кажется, удивилась.

– Мы тут не курим. Но если хотите... В соседней комнате буфет.

...На пустых столах – невидимые бутылки, призрачные тарелки, вазочки-фантомы. Рядом – бледные тени официантов.

– Не стоит, – вздохнул я. – Много сегодня гостей!

Развела руками, вновь улыбнулась.

– И не говорите. Хорошо, что дядя скоро придет, он их сможет отвлечь... А почему вы не подходите к Дайзе? Она вас ждет. Обидится!

– Не ждет, – не выдержал я. – И не обидится. Нет никакой Дайзы. Мы здесь одни, Альда! Мы же в компьютерной игре, мы во сне, тут ничего нет – и быть не может!

Да, зря я так. В больших темных глазах... Нет, не боль и не страх. Недоумение? Догадка?

– Эрлих... Странно, мне тоже так кажется. Иногда... Будто я тут одна, в доме, в городе. Когда я беседовала с господином Триммом... Нет!.. Я не одна, вы просто пошутили. Скажите!

А что сказать-то?

– Сейчас вы не одна, Альда. По очень странному стечению обстоятельств вы рядом со мной. И зовут меня не Эрлих, а... Том Тим Тот. Впрочем, подождем вашего дядю, вдруг он появится и все, как есть, разъяснит?

– ...Нимми-нимми-нот! Привет, Том Тим!..

Оборачиваться не стал – и так ясно.

Вот и дядя!

24. Гостиная (Rezitativ: 2'32)

– Не скучаешь, парень?

– Не скучаю, парень.

Сигареты все-таки нашлись. Там, где им и положено, – в сигаретнице. О таком только читал: коробочка дерева полированного, сверху – вроде ложбинки. Приподнял коробочку за бока, опустил – а в ложбинке сигаретка.

Невкусная, правда.

Джимми-Джона это не смущало. Его ничего не смущало – ни пустой особняк, ни девушка в компании призраков. Он даже ей не кивнул.

...А она его и не заметила. Или все-таки? Когда мы уходили, оглянулась, словно хотела сказать.

Не сказала.

[.....]

– Ну, гони свои вопросы, Том Тим! Сыпь!

Акуля усмешка мне уже успела надоест. Смолчать? А зачем?

...Герой с обложки, вечный загар, немодные джинсы, клетчатая рубаша, узлом завязанная. Краса и гордость семидесятых...

– Бросьте! – поморщился я. – Вам же не двадцать и не тридцать. И даже, как я подозреваю, не сорок. Зачем комедия, мистер Джимми-Джон? Я на вашу анонимность не покушаюсь, секретов не выведываю и не собираюсь. И вопросов у меня, между прочим, никаких нет. Это вы меня сюда пригласили!

...Вопросы у меня, положим, имелись, но... Пусть съест! Съел? Съел, только скривился чуток.

– «Мистер» – не надо, Том Тим. Тем более если нам обоим за... Больше двадцати. Моя... Скажем так, клиентура – в основном тинэйджеры, так что приходится соответствовать. В речевом аспекте тоже.

Изменился? Ничуть, разве что глаза... Постарели? Поумнели? А программу-переводчик я ругал зря. И нюансы ловит, и «ты» с «вы» различает, не путает.

– Много клиентов? – посочувствовал я. – Вызывают двадцать раз за ночь?

Голубоглазый подмигнул.

– Не угадали! Вызывают редко, не чаще раза в месяц. Откликаюсь тут же.

...А почему я подумал про «ты» и «вы»? Потому что по-английски все равно будет «you»? А кто сказал, что акула говорит именно по-английски?

– «Жалобная кнопка» есть в каждом файле, но чтобы догадаться, требуется некоторый интеллектуальный минимум. Или обстоятельства должны совпасть.

– У меня его нет, – констатировал я. – Интеллектуального минимума. Просто захотелось вырвать страницу.

Джимми-Джон покачал головой, задумался.

– Не совсем так. Мы все-таки спим, а не сидим у компьютера. Во сне ничего точно не пропишешь. Наше недовольство трансформируется по-разному. У вас, к примеру, – в страницу с провокационной надписью. Другой бы стал скандалить на улице, требовать, скажем, белый пароход.

Мы сидели рядом, но не хотелось смотреть ему в глаза. Оставалось изучать стены. Все та же лепнина, медальоны с Амурами и Психеями, портрет какого-то надутого старика... Наверное, гостиная. Зал рядом, девушка в красном платье общается с призраками.

Своя – со своими.

– А насчет секретов... Я не очень боюсь всяких умельцев, Том Тим. На подобный случай я кое-что предусмотрел, поверьте!

Поверил. Если уж этот австралиец (австралиец?) сумел открыть гипнотелепатию...

– Программы индивидуальные и, если можно так выразиться, одноразовые. Каждый файл реагирует лишь на первого, кто взглянул, для остальных он – обычная картинка. Некоторые файлы переписать попросту нельзя, этот, к примеру. Получится обычная картинка, никому не интересная. А те, что я запускаю, так сказать, в народ, переписывать можно, но только три-четыре раза, не больше. Кроме самых-самых первых, вроде mo3. Такие пусть используют, не жалко.

– Разумно.

Спорить не о чем, спрашивать не хотелось. В конце концов, меня позвал он.

– Вы не против еще разок очутиться на пляже?

Как?!

– Поглядеть на mo8.jpg перед сном, – Джимми-Джон усмехнулся, но не столь хищно. – А я бы перелистал ваш «Гипнономикон»... Хотите получить его текст? Не во сне, наяву?

Оп-па! Теперь я должен произнести какую-нибудь реплику. Нечто вроде: «Это невозможно!!!»

А вот возьму – и промолчу.

– Не верите?

Усмешка сгнула. Да, глаза изменились. И здорово.

– Верю. И что?

Не то чтобы совсем, но все-таки... С такого станется! Однако пляж-то, mo8.jpg – из первой десятки, из «первого поколения», как туда вдвоем попасть? Голубоглазый сам говорил!

– Да, файл старый, – согласился он, и я невольно вздрогнул. – Но попытаюсь, вдруг получится. Все-таки книга появилась не без моей помощи. Если не хотите делать копии, я просто почитаю...

Все стало ясно, а если не все, то главное. Акулу заинтересовала книга – моя (моя?) книга. Зацепило!

– Первое – картинки, провоцирующие нужный сон, – я не спеша загнул палец. – Второе – общение во сне, гипнотелепатия...

Еще палец.

– Какое следующее чудо, Джимми-Джон?

Он встал, медленно, тяжело. Встал, повел плечами, сгорбился. Сколько же ему лет?

– Это все еще не чудеса, Том Тим... Вы не компьютерщик?

– Абсолютный ламер, – выдал я чистую правду. – Даже ламмер. Через два «м».

– Тогда... Тогда я не смогу объяснить. Пока, по крайней мере.

Дз-з-з-з-з, звоночек! Впервые ты мне врешь, Джимми-Джон! При чем здесь компьютерные премудрости? Мы же не о новой версии «форточек» речь ведем, да и о ней нормальными словами изъясниться можно. У Влада иногда получается.

– Вначале у меня была иная цель, очень скромная...

Он говорил, отвернувшись, глядя куда-то в сторону медальона с Психеей. И голос стал другой, и тон...

– Представь, если ты – или кто-то из твоих близких, друзей... Не так важно, кто именно, Том Тим! Он не может жить, как все люди, не может пробежаться по траве, поплавать с аквалангом, даже пройти по улице. И с людьми общаться – тоже не может. Интернет, идол нынешних недоумков, – только суррогат. Понимаешь?

Понимаю ли я? Кажется, понимаю. Во всяком случае, начал. А он, между прочим, снова на «ты». Ладно, не время вредничать.

– Можно, конечно, включить компьютер, надеть шлем, стать на дорожку. Но виртуальный мир пока не создан, в лучшем случае надо ждать еще лет десять...

«И слава богу!» – воскликнул я, конечно же, не вслух. Дабы не спугнуть.

– К тому же виртуальное общение требует очень много времени, а его так не хватает, Том Тим! Его ни на что не хватает, даже чтобы поговорить с самыми близкими людьми. Не сказать «привет», не поцеловать в щеку, а побыть вместе, пообщаться... Ты сам это понял, Том Тим. И даже, кажется, написал.

– Кажется, – честно признался я. В конце концов «Гипнономикон» – тоже сон.

– Для начала – иллюзия мира, пусть и его кусочков. Для одного. Потом – возможность общения. Это оказалось совсем не трудно. Слова «гипносфера» я не знал, но что нечто подобное существует, понял сразу. Понял – и сумел нащупать.

– Ноосфера! – я не выдержал, подался вперед. – Если признать ее существование, то можно допустить, что мысли людей... Нет, что их сознание соприкасается не только наяву, не только когда они не спят!..

– Вроде того, – он кивнул, не спеша обернулся. – Технически, как я сказал, все оказалось не так сложно. Даже для полного ламера. Который с двумя «м»...

Наконец-то улыбнулся!

– Если на мой файл посмотреть одновременно...

– В 23.00 по Афинам, – вновь не сдержался я.

– ...Изображение становится чем-то вроде мостика. Этот мост существует пока недолго...

[.....]

– Вы здесь, Эрлих?

«Том Тим Тота» она явно не запомнила.

– Вы не могли бы... Вы правы, в доме творится нечто странное.

...Джимми-Джона даже не заметила. Точнее, не увидела.

– Мне... Давайте вместе выйдем на улицу!..

Альда Клеви, хозяйка дома-призрака, была бледна. Нет, иначе! «Альда Клеви, хозяйка дома-призрака, была бледна» – фраза из женского романа.

Джимми-Джон быстро взглянул на часы, покачал головой.

– Заговорился. Пора! Я напишу вам, Том Тим. Можете здесь остаться, никакой опасности нет.

Остаться? Ах ты, бес, я же сегодня без бабочки! Попросту забыл, не посмотрел на картинку!

Стоп! Выходит, голубоглазый девушку в красном платье видит?

– Сейчас, Альда, – бросил я, не оборачиваясь. – У меня тут тоже кое-что... странное.

– Думаю, договоримся! – Джимми-Джон резко выпрямился, оскалился, вновь становясь героем с обложки. – Уверен!.. А то, что вы наблюдаете, – просто неудачный опыт. Попытка создать в некотором роде самостоятельную реальность, не всегда зависящую от нас...

Третий палец! Кажется, самое время загибать. Стоп, а зачем такое создавать-то? «Самостоятельных реальностей» и так хватает – и когда не спим, и когда спим.

– Счастливо, Том Тим! Увидимся.

Смотреть, как он растворяется в воздухе, я не стал.

[.....]

– ...Может, я заболела, Эрлих? Понимаете, все исчезает, пропадает куда-то. Говорю с человеком – и вдруг его нет... Все, как вы говорили, – пустой зал, пустые комнаты. И дядя не пришел. Что мне делать, Эрлих?

Итак, самостоятельная реальность. Самостоятельная реальность в длинном красном платье. Симпатичная девушка, сообразившая, что живет в игре Kyandia.

Я вдруг понял, что могу делать с ней, что угодно. Например, щелкнуть по носу.

25. Калитка (Rezitativ: 2'08)

Спать меньше надо. И сны дурацкие ни к чему!

На улицу не выйдешь, хотя там – ясный день. Весеннее солнце заливает улицу, двор, проникает даже сюда, в полутемную комнату.

Ждать. Пока – ждать!

Со мною – четверо, лиц не вижу, но ребята надежные, мы с ними вместе воевали. И не так важно, когда и где, «здесь» предателей не бывает.

А что за окном? Солнце за окном, булыжник мостовой, серые неровные плиты вместо привычного тротуара. Странная улица! Ведь это моя улица, чуть дальше – тот самый дом, куда так не хочется заходить, разрытый, развороченный двор, высокие старые тополя.

Сегодня мне туда не надо. Мне пока вообще ничего не требуется, только ждать. Ждать, ждать, ждать... Револьвер на месте, и патроны на месте, и фальшивое удостоверение.

Ждать!

[.....]

Возле занавешенного окна – колченогий стол в окружении табуретов, таких же колченогих и ветхих. На столе – белая скатерть, глиняный кувшин, треснутые тарелки. Это тебе не замок с гобеленом, Том Тим Тот! «Здесь» – не в файле, не в нелепой картинке, скучать не придется...

Пора? Нет еще, подождем, больше ждали. Должен быть сигнал. Караул вот-вот сменят, а новой сменой командует верный человек.

Ждать!

Я-неспящий напрасно думаю, что картинки Том Тим Тота – его (который «там») сны. Сны не заказываешь и в программе не прописываешь, они приходят сами, сваливаются с неведомых высот без всякой просьбы. И городок у моря, и австралийская акула, и бедная девушка в красном – все мое, мои сны, мои кошмары. А доктор Джекиль, кажется, решил поиграть в Царя Гипносферы. Жаль, запретить не могу. Неужели он не понимает? Реальность не заменить компьютерной игрой, ни которая «там», ни эту.

...Девчушка в странном черном платье не спеша идет по тротуару. Ах да, тротуар куда-то исчез, а вот девчушка в черном...

Гимназическая форма! Гимназия как раз за углом, в сотне метров всего. Недавно построили, архитектор Покровский расстарался. Сам же себя и запечатлел – бюстом у входа. Эдакая очкастая сова в шляпе с кисточкой.

Девчушка в гимназической форме достает платок. Маленький белый платок в маленькой руке. Машет.

Сигнал! К бою!

[.....]

Скрип калитки. Мы на улице. Теперь посмотрим налево, посмотрим направо, как в детстве учили. Здесь же и учили, когда я с бабушкой переходил дорогу, где сейчас гимназия.

Какая гимназия? За углом была школа, 68-я школа, потом райком комсомола, потом институт. Я там работал!

Направо – спокойно, налево... И налево тихо. Пустая улица, двухэтажные домики, заборы, зеленые кроны яблонь. Сзади... Сзади тем более все в порядке, там – маленький дом, окруженный яблоневым садом, надежная квартира, где живут давние друзья. Хороший дом, хороший сад, яблоки там вообще отличные.

Левое плечо вперед! Не спешить, идти медленно, до цели – всего полсотни шагов. Похожий дом, совсем рядом, за похожей калиткой.

[.....]

Дом я знаю, очень хорошо помню. А тот, откуда вышли... На его месте знакомая серая пятиэтажка, знакомый, перерытый траншеями двор! Моя улица, мой дом!..

[.....]

Не спешить, не спешить... Фальшивое удостоверение в кармане, но оно не понадобится, все пройдет хорошо, все пройдет быстро, авто ждет на противоположной стороне, там двор, достаточно открыть калитку – ту, что в саду.

Что бы Австралийская Акула ни говорила, все «здесь» – настоящее. Такое же, как и «там», в жизни, а не в файле. Зачем рисовать картинку со скучным пляжем, зачем заставлять девушку в красном платье общаться с призраками? Файлы Франкенштейна!

...А что за книгу такую я написал? Не помню, к счастью, не помню. «Здесь», как и «там», редко запоминаю сны.

– Старшего!..

Свой голос я слышу, ответ – нет. Не важно, серая тень неловко кивает, открывает калитку... Другая подходит ближе. Что у нее, у тени, в руках? Карабин? Да, карабин, как и у моих ребят.

Тени... «Здесь» враги – почти всегда тени. Враг – не человек, не личность, у него нет лица, нет имени, возраста.

– Вот мандат!

Голос повышать не надо. Тот, кто вышел, – свой, не тень, я его хорошо вижу. Не слышу, правда... Но откуда мандат? Такого слова сейчас нет!

...И гимназии нет. И дома с яблоневым садом.

Кажется, сказал правильно. И мои ребята все делают правильно. Тень, что осталась снаружи, сползает на землю.

Куда все-таки тротуар делся?

Сейчас его (ее – тень) аккуратно занесут в калитку, двое уже там, разбираются с остальными. Этих остальных много, но старшой караула почти всех запер – в караулке. Правда, караулки настоящей там нет, обычный флигель, но дверь все-таки железная, как и решетки на окнах.

Все! Вперед, время пошло!

[.....]

...У невысокого крыльца на свежей зеленой травке – еще две тени. Отвоевались, бродяги! В дом!

Невысокий плечистый человек в военной гимнастерке шагает навстречу. Лица не увидеть, не разглядеть. Не важно. ОН!

Рука – под козырек. Почему, разве на мне – фуражка?

Ничего не слышу, даже собственный голос. Докладываю – коротко, очень коротко, лишней секунды нет. Человек в гимнастерке кивает, протягивает руку.

Одно авто – или два? Нам нужно два авто, я специально предупреждал!

Все! Теперь мое место – у калитки. Ребята сами справятся. Авто все-таки два, вспомнил, значит, всех рассадить, повернуть «ручку дружбы» в моторе – и в разные стороны. Одно авто – к Бассейной...

...Почему Бассейной – к Петровского! Ее же еще до войны переименовали!

Второе – по Чернышева, затем переулком – и на Кладбищенскую.

[.....]

Выстрел «здесь» не всегда услышишь. Скверно, особенно в подобных передрягах. Не выстрел – просто хлопок, даже тише, чем шампанское. На улице? На улице! Парни у калитки ввязались, значит, им не уйти, еще двое нужны там, где авто...

Успеваю оглянуться. Человек в гимнастерке поддерживает под руку немолодую женщину, она больная, ей трудно идти. Рядом – девушки в странных белых шляпах, в руке у каждой – маленький чемодан. Все? Нет, там еще должен быть мальчик!

К калитке!

[.....]

Револьвер не поможет, зато есть пулемет. Раззявы-охранники – раззявы-тени даже ленту оставили. Сейчас моих ребят добьют, калитка распахнет.

Как там у дома? Все уходят, женщина идет сама, девушки оглядываются... А где же мальчишка? Я же приказал – его первого!..

На улице все еще стреляют. Долго держатся, молодцы. Как раз хватит времени поправить ленту в пулемете. Жаль, что я один, этой машинке нужен второй номер, ленту часто перекашивает.

Ушли? Ушли. Наверное, уже возле авто. А вот мне сегодня не уйти. Бабочка, ты тут? Привет, пластмасса, привет, mo3.jpg! Как ты думаешь, мистер Том Тим Тот остался бы? Он так любит комфорт!

[.....]

Лента? Кто поддерживает ленту? Мальчик, уходи, немедленно уходи, сзади калитка, дальше двор – и улица. Там авто, ты успеешь.

Мальчишка не уходит. Теперь я вижу его лицо – упрямое, красивое, очень похожее на лицо того, в гимнастерке (да, теперь вспомнил!). Но ведь это неправильно! Мы же пришли выручать вас, всех вас – и тебя в первую очередь. Уходи сейчас же!..

Не уходит, пытается объяснить. С каждым мгновением слышу все хуже и хуже, слова тонут, растворяются в хлопках шампанского. Вот-вот распахнет калитка.

...Он умеет разбирать пулемет. Он умеет стрелять. В авто, даже в двух, все равно не хватит места.

Мальчик прав – не хватит. Кто-то должен быть за рулем, авто совсем маленькие, других достать не успели.

Только теперь замечаю, что на нем тоже гимнастерка. Новая, с золотыми погонами. Мальчишка перехватывает мой взгляд, улыбается, начинает рассказывать. Погоны им носить запрещали, он надел их только утром, он знал, что случится сегодня...

Мгновения становятся долгими-долгими, каждое – как целая жизнь. Можно не спеша беседовать, толковать о пустяках, любоваться ярким майским небом.

Калитка распахнута.

[.....]

26. Чужой сон (Arie: 5'23)

– Извольте пройти!..

Изволю. Сказать – нечего, спросить – некого. Джимми-Джон вновь задерживается (сновное плохое попало?), а прихожая дома-призрака вовсе не пуста.

Лестница та же, ковер тот же, светильники. И дерево на месте, справа от входа, в мраморной кадке. Но вместо фантома меня встретил некто – явно во плоти. Лакей, вероятно. Вероятно, потому как лакеев приходилось видеть лишь в кино. Так что мог быть и дворецкий.

Следующий некто встретил прямо на лестнице. Этот точно лакей – личность больно подходящая.

...Письмо Джимми-Джона не отличалось разнообразием – то же приглашение взглянуть на файл, только не в 23.00, а в 23.20. По тем же Афинам. И файл тот же.

Заблудиться не дали – еще один ливрейный проводил в гостиную. Гостиная оказалось прежней – с медальонами на стенах.

Присесть, достать сигареты... А сигареты появились, прямо в левом кармане! «Атаман»? Если бы! Но курить можно.

Итак, лакеи материализовались – вместе с сигаретами. Интересно, а кто еще?

– Нимми-нимми-нот!..

Ясно!

[.....]

– Можете рассматривать историю с вашим «Гипнономиком» как эксперимент. Книжки с нею наверняка писались, но наяву их приходилось сочинять заново. А тут – чистый результат!

...Все такой же – руки в карманах, ноги чуть ли не на столе. Чего он дурака-то валяет?

– Неужели и вам, Том Тим, не хотелось бы наяву – наяву! – прочитать свое творение?

– Угу, – кивнул в ответ. – Хотелось. Только до сих пор не уверен, что творение действительно мое. Ладно, согласен. В конце концов, я вам обязан, хотя бы за бабочку – за mo3.jpg.

Усмехнулся, хмыкнул удовлетворенно:

– Помогает? И, наверное, привыкли?

Привык? Черт, дьявол, на что джинсовый намекает?

– Если бабочка улетит, смело обращайтесь. У меня таких – коллекция.

Так и не намекает! Первый файл даем задаром, как понюшку кокаина, а уж второй...

Встал, одернул джинсы... Рубашку поправил с узлом на брюхе.

– Пора. Думаю, уже поняли, Том Тим, у меня здесь своя... бабочка. Чуть более совершенная, чем mo3. Но о ней потом. Свою не забыли?

Маленькая яркая точка под самым потолком. Не забыл!

– Можете и тут погулять. Программа, кажется, инсталлировалась.

– В каком смысле? – не понял. – Вчера в доме был сабантуй призраков. Хэллоуин!

Акула дернула крепким подбородком.

– И вы, Том Тим, наверняка летали, хотя в таких файлах подобное не предусмотрено. Да, многое не так, но пока это безопасно...

ПОКА? Что значит «пока»?

– ...Кроме того, мы попали сюда вместе, а на двоих гостей файл не рассчитан. Вот программа и настраивалась – в меру возможностей. Все, исчезаю!

– Не все! – поглядел я в широкую спину. – Эта девушка – Альда...

– Альда? – Спина еле заметно дрогнула. – Это не совсем девушка. Собственно, она – и есть программа. Прежде файлы работали только с вашим сознанием, а этот... Я же говорил, эксперимент, попытка создать самостоятельную реальность.

«И растворился в этом воздухе призрачный гражданин престранного вида...»

Моя книга – эксперимент. Девушка в красном платье – тоже эксперимент. Что дальше?

[.....]

– Здравствуйте, Эрлих! Спасибо, что заехали за мной...

Вот и дальше!

– ...Вчера вы так интересно рассказывали! В самом деле, вдруг мы все живем в каком-то выдуманном мире? Я вам чуть было не поверила.

Меня вновь вели под руку – и вновь по лестнице, но не вверх, а наоборот. Спорить не решался, как и переспрашивать. Наш разговор Альда помнила, но теперь для нее он просто шутка – а раут призраков явно наполнился гостями. Программа настроилась. Настроилась, переделалась из красного платья в синее...

– Хотите полетать? – не выдержал я, когда поравнялись с памятным деревом.

Улыбнулась... рассмеялась.

– С удовольствием! Вы мне поможете, Эрлих? Только глаза закрою – боюсь высоты.

Тонкая рука протянулась ко мне. Я притронулся к ее пальцам... А что, если и вправду попробовать? Я сплю, ничего невозможного нет.

– ...Уже? Мы летим?

Отпустил руку. В программе чудес не предусмотрено. Жаль!

Глаза Альды все еще были закрыты. Губы улыбались.

– Полет отменяется, – вздохнул. – Не захватили парашюты.

[.....]

Чужой сон... В таком не летают! Не так, в чужом сне взлететь должен... Тот, кому сон снится! Если сон – Альда, если она – «самостоятельная реальность»...

– Дайза ждет. Она мне телефонировала.

На такое и реагировать не хотелось. Хватит того, что еду неведомо куда, неведомо с кем... То есть с кем, ясно – программа честно пыталась функционировать. Черноволосая, с короткой стрижкой программа, Куганди в синем платье с блестками, которая должна вести юного стрикулиста Эрлиха Грейвза на встречу с невестой.

Кто все-таки заказывал такой файл? Любитель Пруста, млеющий от слов «высший свет»? Безумный эстет, не выносящий «грубой реальности»?

...Город – тот, что за окнами машины, – оказался очень даже ничего. В строительном деле не спец, но такое даже я понять могу. Все новенькое, ни одной прямой линии, стекло пополам с алюминием и деревом, этажи словно в воздухе парят. Уже видел, но не во сне – в телевизоре. Новый Берлин, мечта сумасшедших архитекторов. И машины на улицах – из того же телевизора, с очередного автосалона.

– Том Тим Тот – ваш псевдоним?

– Конечно, псевдоним.

Выходит, запомнила?

– Дайза говорила, что вы писатель, но просила никому не рассказывать. Вы же знаете, Эрлих, ее родителей...

Ап! Надо же – писатель!

– А вы, Альда, стихов не пишете?

Короткий взгляд, внимательный, острый.

– Догадались? Только я никому их не показываю. Вы же знаете... наших!

Наших? Прозвучало как «наших».

За окном – тот же город, та же улица. Сколько мы ехали? Минут двадцать? А большой город! Интересно, что в файле еще есть, он же экспериментальный?

[.....]

– Вас не тошнит?

Оказывается, и в чужом сне можно обомлеть.

– А... А отчего?

– От всего этого!

Резко выпрямилась, рука зацепилась за ремень сумочки, темные глаза блеснули.

– От всего этого, Эрлих! Разве не видите, в самом деле не видите? Мы живем в каком-то безумном мире с безумными правилами. Все вокруг ненастоящее, странное, словно мы и вправду в компьютерной игре! Когда вы вчера пошутили, я действительно поверила, пусть на миг, но поверила. Пустой город, пустой дом – и я одна.

Меня она не посчитала, но обижаться не стал.

– Давно поняли?

– Давно... Да что я вам говорю, Эрлих? Вы же из наших, и я из наших, вы – жених Дайзы, у вас с нею все расписано на сто лет вперед. И у меня все расписано, и у других... Знаете, когда вы предложили полетать, я тоже поверила!

Самое время звать бабочку. Объясняться с неудачной программой, тем более экспериментальной... Увольте!

Бабочка-а-а!

– Сейчас я исчезну, Альда. Не пугайтесь, пожалуйста. А Дайзе – привет! И пожелания – наилучшие.

Не удивилась. Пододвинулась ближе, коснулась ладонью моего запястья... От нее пахло какими-то странными духами.

– Только не говорите, что снова шутите, Эрлих!

– Эрлиха нет! – радостно констатировал я. – И Том Тим Тот скоро испарится. Пора домой! А вы, Альда... Извините, если что не так!

Задумалась, сжала яркие губы.

– Возьмите меня с собой, Эрлих! Или... Или у нас опять нет парашютов?

Пластмасса совсем рядом. Исчезну – и кончится чужой сон.

– Не оставляйте меня здесь!

На миг компьютерная программа сгнула. Остался человек. Человек, которому плохо в собственном сне.

Так почему бы и нет?!

– Альда, возьмите меня за руку. И держите крепко, очень крепко! Не отпускайте...

[.....]

Темно! Очень темно.

Светлее?

27. Туннели (Rezitativ: 0'56)

[.....]

Удачно! Неяркий пыльный свет продолговатых светильников, коридор, уходящий в недра земли, стальная дверь с засовом-штурвалом, как в старом бомбоубежище.

Да и не это главное.

– Здравствуй, Л!

Знакомый вкус губ, знакомый запах кожи, след духов, еле заметный, дальний, знакомые тонкие пальцы... Сегодня Л другая, непривычная. Короткие черные волосы, на ней – странное длинное платье, но разве я не узнаю Л? Тот, который не спит, недоумковатый доктор Джекиль, уверен, что она – призрак, тень давних воспоминаний. Дурак же он! И лилипут Тим Тот ничуть не умнее.

– Мы давно не виделись, Л, очень давно. Я соскучился, так соскучился, ты даже представить не можешь! Это все я виноват, какие-то сны, бред... Представляешь, снилось, будто тебя нет, а есть некий плейбой из Австралии, который торгует снами...

...Луну изготавливают, как известно, в Гамбурге. Сны – в Австралии. У алжирского бея под носом – шишка.

Но что с Л? Отступила на шаг, поглядела странно... Не так сказал? Не то?

– Не узнаете, Эрлих?

От удивления не сразу понял, что разбираю каждое слово. Эрлих? Какой такой Эрлих? Тот, что мне снился? Стрикулист в рединготе?

– Значит, вот вы куда уходите, Эрлих! А почему мы под землей? Здесь... Не опасно?

На всякий случай огляделся. Опасно? Но ведь тут – моя крепость, я все обошел, когда города еще в помине не было, когда не было ничего!

– Мы в Туннелях, Л! Мы же были тут совсем недавно. Тогда сломался мотоцикл, стало темно, но мы успели сюда зайти. Помнишь? Спустились в небольшое ущелье, там стальная дверь... И почему ты называешь меня Эрлихом? Еще бы Тим Тотом назвала!

Не ответила. Шагнула вперед, к черному зеву прохода, осторожно коснулась пальцами засова-штурвала.

Неужели не помнит?

– Меня зовут Альда. Альда Клеви. А как зовут вас... тебя? На самом деле?

[.....]

Мы шли по проходу, я привычно отсчитывал шаги, чтобы вовремя свернуть в нужный коридор. Туннелям нет ни конца, ни края, они ведут к городу, ведут за город, к морю – и еще неведомо куда. Но эту часть я знаю хорошо, с самого детства. Совсем недавно мы были тут с Л, потом я вел в город остатки нашего взвода...

– Нет-нет, ты путаешь, Л! Альда Клеви... Помню! Высокая, с короткой стрижкой, на ней еще платье красное было. Но это сон! Искусственный сон, какая-то программа, файл, на него надо смотреть три минуты...

– Ты и сейчас спишь, Эрлих.

– Ты хочешь сказать, что мне снится Альда? Она совсем другая! Выше ростом, и лицо...

– Ты тоже совсем другой, Эрлих. Можно, я буду тебя так называть? Том Тим Тот – просто глупо, а твое здешнее имя... Оно какое-то ненастоящее. Ты другой, у тебя тоже иное лицо, и голос изменился... Но... Это не важно. Туннели... А что за ними?

Ее совсем плохо видно. Кажется, будто Л стала полупрозрачной, полупризрачной, ее шаги бесшумны, она даже не идет – скользит, летит, не касаясь холодного камня. Наверное, из-за света – фонари попадаются редко, на каждом – вековая пыль.

Ее рука теплая. И губы теплые. Значит, оба живы.

[.....]

– Расскажи еще, Эрлих! Странно, никогда не думала попасть в город призраков!..

Остановился. Осторожно взял ее за плечи, взглянул в глаза. Все действительно иначе, совсем по-другому. Такого голоса у Л никогда не было, взгляда – тоже.

Не узнаю... Но такого не может быть!

– Это не город призраков. Просто мой город, настоящий – как и я сам. Ты... Вы – не Л? Так кто же вы?

В прошлый раз мы тут все перевернули. Нужна была аптечка, и ребята обыскали бункер сверху донизу. Аптечку нашли – в маленьком шкафчике без надписи, рядом с огнетушителем. Огнетушитель тоже зачем-то сняли, он покатился по бетонному полу, ударился о скамью.

Теперь все снова на месте. Скамейки стоят ровно, шкафчик закрыт, огнетушитель сучает на стене. Я не удивился – Туннели!

Она присела на единственный стул, бросила взгляд на странную карту, прикрепленную рядом с сейфом.

...На карте – неведомо что. И в сейфе – неведомо что. Заглянуть бы!

– Я успокоилась, Эрлих. Да и не очень волновалась. Я просто уснула...

Теперь она уже ничем не походила на Л. Незнакомая девушка в дорогом синем платье, в туфельках на высоких каблуках, на запястье браслет с фиолетовым камнем.

Красивая. Чужая.

– Если мы с вами ехали в машине, – осторожно начал я, – если я, как вы говорите, захотел исчезнуть... Но бабочка... Файл, mo3.jpg, рассчитан только на одного! На того, который его видит, который спит!.. Это же просто анальгин, снимает боль, напряжение, уводит из искусственного сна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.